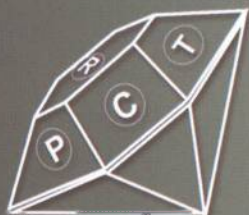

юрист
издательская
группа

2021, № 4 (66)

ПРАВО

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

- Товарный фетишизм и интеллектуальная собственность
- Приоритет заявителя или патентообладателя
- Новости стандартизации
- Таможенная защита

WWW.RNiiiS.RU

ISSN 2072-4322

772072 432775 >

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ № 4 (66)/2021

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия Рег. ПИ № ФС77-35940 от 31 марта 2009 г. Издается с 2007 г., 4 раза в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредители:

Республиканский НИИ интеллектуальной собственности (РНИИС)
ИГ «Юрист»

Редакционный совет:

Лопатин В.Н. (председатель),
Борисов Б.М., Гаврилов Э.П., Федотов М.А.

Редакционная коллегия:

Зенин И.А. (главный редактор),
Амангельды А.А., Городов О.А., Калятин В.О.,
Лосев С.С., Мухамедшин И.С., Оморов Р.О.,
Орлюк Е.П., Сорокин А.М.

Адрес редакции:

127083, г. Москва, ул. Юннатов, д.18. РНИИС.
E-mail: info@pravois.ru

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88

многоканальный

Тел./факс редакции:

(495) 953-91-08.

Адрес для корреспонденции:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7

E-mail: info@pravois.ru, avtor@lawinfo.ru

Отпечатано

в ООО «Национальная полиграфическая группа», тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ. печ. л.— 6. Усл. печ. л.— 6.

Общий тираж 1000 экз.

Подписка по России:

Объединенный каталог. Пресса России — 91904
а также через www.lawinfo.ru.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается. Цена свободная. ISSN: 2072-4322

Номер подписан: 17.11.2021.

Номер вышел в свет: 23.12.2021.

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Зенин И.А. Фантом товарного фетишизма в праве интеллектуальной собственности..... 4

ПАТЕНТНОЕ ПРАВО

Залесов А.В. Становление патентного права как монопольного права патентообладателя (исторический аспект) 12

Иванова Д.В. Патентование при многонациональном соавторстве 17

Зайцев Ю.С. Проблемы и подходы к оценке патентоспособности IT-изобретений в России и за рубежом 21

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

Худжатов М.Б. Проблемы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности 27

Воротынцева Т.М. О причинах низкой эффективности таможенной защиты интеллектуальной собственности в ЕАЭС 32

СТАНДАРТИЗАЦИЯ

Новости в сфере стандартизации (4 квартал 2021 г.) 39

КОНФЕРЕНЦИИ

Обзор конференций по проблематике интеллектуальной собственности (2-е полугодие 2021 г.) 45

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

No. 4 (66)/2021

SPECIALIZED INFORMATION-ANALYTICS EDUCATIONAL LEGAL JOURNAL. Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with the Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage Reg. PI № FC77-35940 of March 31, 2009. Published since 2007, 4 issues

The journal is included into the list of reviewed scientific journals where basic results of PhD and doctoral theses shall be published.

Founders:

Republican Science Research Institute
of Intellectual Property (RNIIS)
Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Lopatin V.N. (Chairman), Borisov B.M.,
Gavrilov E.P., Fedotov M.A.

Editorial Staff:

Zenin I.A. (Editor), Amangeldy A.A., Gorodov O.A.,
Kalyatin V.O., Losev S.S., Mukhamedshin I.S.,
Omorov R.O., Orlyuk E.P., Sorokin A.M.

Editorial Office Address:

18 Yunnatov Str. (RNIIS), Moscow, 127083.
E-mail: info@pravois.ru

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V.

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading

Shvechkova O.A.

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 multichannel
Tel./fax of the Editorial Office:
(495) 953-91-08.

Correspondence Address:

Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb., Moscow,
115035

E-mail: info@pravois.ru, avtor@lawinfo.ru

Printed by LLC National Polygraphic Group Ltd.,
tel. (4842) 70-03-37

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet – 6.
Conventional printing sheet – 6.
Circulation – 1000 copies.

Subscription in Russia:
United catalogue. Russian Press – 91904.
www.lawinfo.ru

Complete or partial reproduction of materials
without a prior written permission of authors
of the articles or the editorial office
shall be prosecuted in accordance with law.

Free market price. ISSN: 2072-4322

Passed for printing: 17.11.2021.

Published: 23.12.2021.

© RNIIS, JURIST PUBLISHING GROUP, 2021

CONTENTS:

THEORY AND HISTORY

I.A. Zenin The Phantom of the Fetishism
of Commodities in Intellectual Property Law 4

PATENT LAW

A.V. Zalesov The Establishment of a Patent Right
as a Monopoly Right of the Patent Holder
(the Historical Aspect) 12

D.V. Ivanova Patenting objects of patent law with multinational
authorship 17

Yu.S. Zaytsev Problems of and Approaches
to the Evaluation of Patentability of IT Inventions
in Russia and Abroad..... 21

LEGAL PROTECTION

M.B. Khudzhatov Problems of customs control of goods
containing intellectual property objects..... 27

T.M. Vorotyntseva On the Reasons for Low Efficiency
of Customs Protection of Intellectual Property in the EAEU 32

STANDARDIZATION

News in the sphere of standardization (Q4 2021)..... 39

CONFERENCES

Review of conferences on intellectual property issues
(HY2 2021)..... 45

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Лопатин Владимир Николаевич — председатель совета, научный руководитель Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, председатель межгосударственного (МТК 550) и национального технического комитета по стандартизации «Интеллектуальная собственность» (ТК481), эксперт РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Борисов Борислав — член совета, директор Института интеллектуальной собственности и трансфера технологий Софийского университета национального и мирового хозяйства, доктор экономических наук, профессор;

Гаврилов Эдуард Петрович — член совета, профессор департамента частного права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор;

Федотов Михаил Александрович — член совета, директор международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ ВШЭ, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Зенин Иван Александрович — главный редактор, заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИИС, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, член Международной ассоциации интеллектуальной собственности (ATRIP, Швейцария), доктор юридических наук, профессор;

Амангельды Айжан Амангельдықызы — профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук (Республика Казахстан);

Городов Олег Александрович — член редколлегии, профессор кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Калятин Виталий Олегович — член редколлегии, профессор Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, главный юрист по интеллектуальной собственности УК «РОСНАНО», заместитель руководителя Общественного совета при Федеральной службе по интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук;

Лосев Сергей Сергеевич — член редколлегии, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

Мухамедшин Ирик Сабиржанович — член редколлегии, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, профессор;

Оморов Роман Оморович — член редколлегии, заведующий лабораторией Института машиноведения и автоматизации Национальной академии наук Кыргызской Республики, член-корреспондент Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор технических наук, профессор;

Орлюк Елена Павловна — член редколлегии, директор научно-исследовательского института интеллектуальной собственности Национальной академии правовых наук Украины, директор Института права Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, академик Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор;

Сорокин Алексей Михайлович — ответственный секретарь журнала «Право интеллектуальной собственности», ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИИС, кандидат экономических наук.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

Уважаемые авторы! При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования:

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы, присланные по почте, в том числе по электронной почте, или представленные в журнал на бумажном носителе, в следующих объемах: статья — 7–10 страниц, обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц, иные материалы — по согласованию с редакцией.

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров: текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала; шрифт Times New Roman, размер шрифта основного текста — 13; сноски можно печатать через 1 интервал, размер шрифта 10; поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное (без сокращений) наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, однако дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

4. В статьях допускается использование только концевых сносок (постраничные сноски должны быть исключены). Сноска по тексту статьи должна иметь вид: [1, с. 5]. С учетом требований включения во всемирные базы данных Web of Science и Scopus, которые являются наиболее значимыми с точки зрения цитирования авторов, в статье на русском и английском языках представляются следующие данные: заглавие статьи, аннотация, ключевые слова, список источников, сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место учебы (университет, специальность, курс), работы (организация, должность), ученая степень, научное звание, адрес электронной почты. В статье сначала следует информация на русском языке, затем на английском языке («Аннотация», затем — Abstract, «Ключевые слова», затем — Keywords, после текста статьи «Список источников», затем — References).

Ссылки по тексту статьи должны появляться по порядку номеров — 1, 2, 3 и т.д. и строго соответствовать «Списку источников» и «References».

Порядок элементов статьи (если не указано обратное, оформление в соответствии с п. 2 настоящих правил)

Название на русском языке — полужирный шрифт, выравнивание по центру.

ФИО авторов — полужирный шрифт, выравнивание по правому краю. Дополнительно, в подстрочной ссылке указываются сведения об авторе: полное ФИО, место работы, должность и контактные данные. В этой же подстрочной ссылке указывается английский вариант сведений об авторе.

Аннотация и ключевые слова на русском языке, далее их перевод на англ. — Abstract, Keywords.

Текст статьи.

Список источников на русском языке, далее его перевод на англ. — References.

Сведения об авторах (см. пункт 5).

Аннотация (Abstract):

- компактная (объем: 200–250 слов);
- информативная (не содержит общих слов);
- оригинальная (не является калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
- содержательная (отражает основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированная (следует логике описания результатов в статье, содержит следующие пункты: освещение проблемы (Purpose), материалы и методы исследования (Methods), результаты (Results), дискуссия (Discussion));
- написана на качественном английском языке;
- необходимо следовать хронологии статьи и использовать ее заголовки в качестве руководства;
- текст должен быть связным, с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т.д. (consequently, moreover, for example, the benefits of the study, as a result);
- необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It was tested in this study».

Ключевые слова (Keywords)

Количество ключевых слов должно быть не менее 15.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы.

Список источников (References)

В списке источников и References количество источников должно быть не менее 10. Номера источников русского и английского вариантов должны совпадать. В список источников и References не включаются документы без авторства (законы, иные нормативные правовые акты, приказы, рекомендации, интернет-страницы без авторов). При необходимости их можно указать в тексте или подстрочными ссылками.

Методика, что переводить, что транслитерировать

При ссылках на статью транслитерируется фамилия и имя автора.

Транслитерируется и переводится название журнала (указываются через дефис).

Название статьи переводится.

Пример ссылки на статью в журнале:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Technical and economic optimization of hydrofracturing design. *Neftyanoe khozyaistvo — Oil Industry*. 2008. № 11. P. 54–57 (in Russian).

При ссылках на монографию, книгу транслитерируется ФИО автора.

Транслитерируется название источника, в скобках указывается перевод названия.

Название издательства транслитерируется.

Пример ссылки на монографию, книгу:

1. Kaminskiy A.M., Peresetskiy A.A., Petrov A.E. *Reytingi v ekonomike: metodologiya i praktika [Ratings in economics: Methods and practice]*. M.: Finansy i statistika Publ., 2005. 240 p.

5. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся: фамилия и полное имя, отчество автора; должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.); ученая степень (при наличии); точные контактные данные: адрес — служебный и (или) домашний, с индексом; телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (при наличии).

6. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений.

7. Настоятельно рекомендуется авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

8. При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не возвращаются. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются.

Внимание наших авторов!

Отдельные материалы журнала размещаются на сайте журнала «Право интеллектуальной собственности».

Фантом товарного фетишизма в праве интеллектуальной собственности

Зенин И.А.*

Аннотация. Права на результаты интеллектуальной деятельности (далее — РИД) по смыслу ст. 1226 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) признаются «исключительными интеллектуальными правами на интеллектуальную собственность». Смена парадигмы интеллектуальной собственности в ст. 1225 ГК РФ с 1 января 2008 г. (с исключительных прав на РИД) одобряется далеко не всеми специалистами [1, с. 6]. Однако детальная регламентация в ст. 1229, 1232–1238, 1241 и других ГК РФ исключительного права на РИД, договорных и бездоговорных способов распоряжения исключительным правом на них является несомненным достоинством данной части ГК РФ. В то же время неприемлемы попытки признавать товарами охраняемые и даже неохраняемые РИД, а также считать товарно-денежными договорные способы распоряжения исключительным правом на РИД, признавая их договорами купли-продажи либо аренды указанного права. Подобную квалификацию можно рассматривать как товарный фетишизм исключительных прав и их объектов.

Целью статьи является установление природы товарного фетишизма, оценка его применения к товарно-денежному обороту вещей и обоснование его неприемлемости к отношениям по распоряжению исключительным правом на РИД, передаче секретов производства (ноу-хау), выплате авторского вознаграждения за охраняемые РИД и компенсаций (вместо возмещения убытков) за нарушение исключительных прав.

Методология включает методы семантического, исторического, систематического и логического анализа категорий товара, товарно-денежного оборота вещей, оборотоспособности исключительных прав на РИД, критериев определения цены товара-вещи, вознаграждения за распоряжение исключительным правом и авторского вознаграждения за охраняемые РИД.

Результаты. Дано толкование товарного фетишизма, проведен критический анализ трех систем «товаризации» РИД (хозрасчетной системы создания и внедрения новой техники, системы научной интеллектуальной собственности и системы права на единую технологию), обоснованы причины их фиаско как следствие применения к распоряжению исключительными правами на нематериальные РИД механизмов товарно-денежного оборота товаров-вещей, в том числе ценообразования на товары-вещи, доказана неприменимость определения авторского вознаграждения за охраняемые РИД по модели вознаграждения за труд.

Ключевые слова: товар, товарный фетишизм, интеллектуальная собственность, исключительное право, право интеллектуальной собственности, результат интеллектуальной деятельности, цена товара, вознаграждение, авторское вознаграждение.

Annotation. In accordance with Art. 1226 of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation, intellectual property (IP) rights are recognized as “exclusive intellectual rights to intellectual property”. Not many specialists approve the change of the intellectual property paradigm in Art. 1225 of the Civil Code of the Russian Federation from January 1, 2008 (from exclusive rights to IP) [1, p. 6]. However, detailed regulation of the exclusive right to IP, contractual and non-contractual means of disposal of the exclusive right thereto in Art. 1229, 1232 to 1238, 1241 and other articles of the Civil Code of the Russian Federation is an undoubted advantage of this part of the Civil Code of the Russian Federation. At the same time, attempts are made at acknowledging protected and even unprotected IP as goods and considering contractual means of disposal of the exclusive right to IP as commodity-money relations treating them as purchase and sale agreements or lease agreements in respect of the said right. Such qualification can be viewed as commodity fetishism of exclusive rights and objects thereof.

The purpose of the article is the establishment of the nature of commodity fetishism, an evaluation of its applicability to the commodity-money exchange of goods and justification of its unapplicability to the disposal of the exclusive right to IP, transfer of trade secrets (know how), payment of royalty for protected IP and compensations for violation of exclusive rights (instead of recovery of losses).

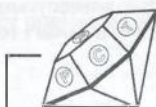
The methods includes methods of semantic, historical, systemic and logical analysis of the categories of goods, commodity-money turnover of goods, negotiability of exclusive rights to IP, criteria for the determination of the price of goods, remuneration for the disposal of the exclusive right and royalty for protected IP.

Results. The author gives a definition of commodity fetishism, performs a critical analysis of three systems of commoditization of IP (the self-financing system of creation and introduction of new equipment, the system of science-based intellectual property and the system of right to the unified technology), justifies the reasons for fiasco thereof as a consequence of the application of mechanisms of commodity-money turnover of goods to the disposal of exclusive rights to intangible IP including pricing of goods, proves the unapplicability of calculation of royalty for protected IP based on the labor remuneration model.**

Keywords: goods, commodity fetishism, intellectual property, exclusive right, intellectual property right, intellectual deliverables, price of goods, remuneration, royalty.

* **Зенин Иван Александрович**, главный редактор, заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИС, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. Электронный адрес: Ivan.A.Zenin@gmail.com

** **The Phantom of the Fetishism of Commodities in Intellectual Property Law**
Ivan A. Zenin, Editor in Chief, Head of the Research Department of Legal Protection of Intellectual Property of the RNIIS, Honored Professor of the Lomonosov MSU, LL.D., Professor.

Товарный фетишизм традиционно понимается как овеществление отношений между людьми в условиях частной собственности на средства производства. Эта категория была введена К. Марксом в «Капитале» для обозначения свойства вещей (но не идеальных РИД) быть продуктами, произведенными для продажи, т.е. товарами. Вульгарное жонглирование категориями товара и товарно-денежного оборота в научной и учебной литературе применительно к РИД и правам на них способно нанести репутационный урон преподаванию права интеллектуальной собственности в вузах и имущественный вред использованию РИД в народном хозяйстве, а также материальному стимулированию их авторов.

Не исключено, что подспудно признание РИД товарами изначально подпитывалось распространявшимися во всем мире с конца XIX в. трактовками авторских, патентных и других исключительных прав на РИД литературной, музыкальной, художественной, научной, промышленной и в целом интеллектуальной собственностью. Проприетарная концепция исключительных прав как бы оправдывала «товаризацию» как данных прав, так и их объектов. Тем более что и согласно учению К. Маркса о товаре товаровладельцы «должны признавать друг в друге частных собственников» [2, с. 94].

Однако при этом затушевывался тот факт, что объектами интеллектуальной собственности являлись не вещи, а нематериальные продукты умственного труда и сама указанная собственность являлась, строго говоря, не юридическим, а, скорее, бытовым синонимом таких понятий, как «мое», «принадлежащее мне» или «созданное мною».

«Оттепель» 1960-х, «перестройка» 1980-х и особенно декларированный государством в 1990-е годы переход России от плановой (административно-командной) к рыночной (конкурентной) системе экономики подогревали в обществе идеи активизации подлинных товарно-денежных отношений в сфере не только материального, но и так называемого духовного производства, связанного с достижениями науки, техники, литературы, искусства, дизайна и секретами производства (ноу-хау). В итоге формировался фантом (призрак, мираж) товарного фетишизма в сфере права интеллектуальной собственности и в целом в области весьма популярного в те времена научно-технического прогресса. Это сопровождалось научными дискуссиями, не все из которых способствовали решению одной из главных задач упомянутых преобразований — оптимального использования охраняемых и неохранных научно-технических и иных достижений умственного труда. Это касалось прежде всего трактовки научно-технической продукции как товара, а также нескольких предпринимавшихся попыток «товаризации» отношений между создателями указанных достижений и их пользователями.

Первая попытка «товаризации» научно-технической продукции связана с принятием совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 сентября 1987 г. № 102 «О переводе научных организаций на полный хозяйственный расчет и самофинансирование» и утверждением постановлением Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ) от 19 ноября 1987 г. № 435 Положения о договорах на создание (передачу) научно-технической продукции.

Этими нормативными правовыми актами научно-техническая продукция, под которой понимались законченные научно-исследовательские, проектные, конструкторские работы и услуги, изготовленные опытные образцы или партии изделий, волевым путем объявлялись товаром.

В указанных актах никак не пояснялось, какие права на подобный «товар» имели разработчики. Сторонам договоров на создание (передачу) научно-технической продукции предлагалось самим определять в договорах, какие права на данную продукцию имели ее разработчики. При этом полностью игнорировались классические постулаты К. Маркса о товарно-денежном обмене, о товаре, двух его сторонах и природе цены товара.

Трактовка К. Марксом товарно-денежного обмена и товара целиком относилась к вещам как продуктам труда, обладающим физическими, химическими, биологическими и т.п. свойствами, т.е. натуральной формой. В силу наличия данной формы товары-вещи подвержены износу, т.е. амортизации и даже (потребляемые вещи) исчезновению из товарного оборота. Для определения цены вещи как товара важное значение имеют его потребительная стоимость (способность удовлетворять определенные человеческие потребности) и стоимость, определяемая сопоставлением общественно необходимых (средних) затрат на производство единицы некоего товара-вещи с индивидуальными затратами производителя конкретного товара. Цена товара-вещи как раз и является превращенной формой стоимости (или меновой стоимостью) товара-вещи.

Ничего подобного не было в момент принятия упомянутых постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и Положения ГКНТ. В соответствии с п. 14 Положения договорная цена на научно-техническую продукцию должна была рассчитываться предварительно заказчиком либо изготовителем с учетом научно-технического уровня продукции, ее конкурентоспособности, эффективности, периода эффективного использования и других факторов применения. Подобный подход к ценообразованию не имел ничего общего с определением цены как меновой стоимости товара-вещи, отчуждаемого его собственником.

В рамках развернувшейся в первые «перестроечные» годы дискуссии о так называемой «хозрасчетной системе создания и внедрения новой техники» анализировались различные варианты товарно-денежной оценки научно-технической продукции, в том числе изобретений как товаров [3].

В статье, подводившей итоги этой дискуссии, на базе учения о товарах-вещах и двух сторонах товара как вещи констатировалось, что соответствующие постулаты неприменимы, когда речь идет об участии в обороте исключительных прав на нематериальные результаты умственного труда и средства индивидуализации, а тем более о передаче по договору неохранных достижений науки, техники и менеджмента (ноу-хау).

Отмечалось, что нематериальные результаты умственного труда могут обладать потребительной стоимостью (повышать производительность труда, качество производимой продукции, удовлетворять эстетические потребности и т.д.). Однако они не имеют стоимости, превращенная форма

которой (меновая стоимость) определяет цену товара-вещи [4, с. 69–79].

Квазицена участвующего в обороте исключительного права на нематериальные РИД целиком определяется соотношением спроса и предложения на данное право, а в конечном счете — на его объект. Это в равной мере относится и к определению квазицены передаваемого по договору неохраняемого результата умственного труда (ноу-хау), чья конфиденциальность обеспечивается режимом коммерческой тайны. «Хозрасчетная система создания и внедрения новой техники» потерпела фиаско вследствие несоответствия ее механизмов требованиям товарно-денежного обмена и классическим представлениям о двух сторонах товара.

Еще менее удачной была попытка «товаризации» РИД в рамках так называемой «научной интеллектуальной собственности», проект закона о которой был подготовлен в 1991 г. Ее суть состояла в произвольном объявлении научной интеллектуальной собственностью всего того, что производили и передавали заказчикам за вознаграждение научно-технические организации. Этим также создавалась видимость якобы наличия товарно-денежного обмена в научно-технической сфере.

При явной недоказанности установления режима собственности на продукты научно-технического творчества в проекте предпринималась неуклюжая попытка напрямую «сделать» эти продукты товарами, включив их в орбиту рыночной экономики. Но поскольку товарная природа изобретений и других РИД неоспорна, в проекте использовались неопределенные формулировки вроде «специфического рынка научно-технической продукции» и «специфического товара» (преамбула).

Проект закона «О научной интеллектуальной собственности» был с неодобрением воспринят специалистами [5]. Его окончательная негативная оценка была дана в статье, подводившей итоги обсуждения. В ней, в частности, отмечалось, что в условиях рыночной экономики исключительные права на охраняемые РИД можно отчуждать в квазитоварно-денежной форме. В такой же форме может передаваться по договорам и научно-техническая продукция, на которую у ее разработчиков нет исключительных прав, но которая обладает необходимой конфиденциальностью. В последнем случае она может отчуждаться на условиях ноу-хау. Во всех названных случаях вознаграждение (а не «цена») за передаваемые по возмездным договорам исключительные права или за ноу-хау должна определяться не сопоставлением общественно необходимых затрат на создание неких единиц объектов указанных прав с индивидуальными затратами правообладателей либо затратами разработчиков, а только соотношением спроса и предложения на объекты указанных прав или на само ноу-хау [6, с. 68].

Мертворожденной оказалось и третья попытка «товаризации» РИД и прав на них в виде «права на единую технологию», урегулированного главой 77 ГК РФ и Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии». Глава 77 ГК РФ изначально вызывала критику, поскольку, во-первых, единая технология не упоминалась в п. 1 ст. 1225 ГК РФ в перечне объектов интеллектуальной собственности, а, во-вторых, подмена в ст. 1546 ГК РФ права использования ох-

раняемых РИД в составе единой технологии (что не вызвало возражений) «правом на технологию» никак не обосновывалась теоретически. В частности, в литературе отмечалось, что правовая конструкция гл. 77 ГК РФ не отвечает в полной мере требованиям реального экономического оборота в сфере инновационных отношений, ее нормы «выглядят инородным телом в рамках части четвертой ГК РФ, выпадают из ее контекста и могут быть без особого для нее ущерба исключены из ее состава» [7, с. 947]. Не случайно сами «разработчики» части четвертой ГК предлагали целиком исключить гл. 77 ГК. О целесообразности признания утратившей силу главы 77 ГК, а также Федерального закона «О передаче прав на единые технологии» говорилось и в Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 26 ноября 2015 г. № 147-5/2015 [8].

Несмотря на данные, казалось бы, непреложные истины, в юридической науке по-прежнему (причем вопреки п. 4 ст. 129 ГК РФ) продолжали высказываться утверждения, будто оборотоспособными являются не исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, а сами эти результаты. Говорилось о «введении в оборот (эффективной коммерциализации)» «созданных результатов интеллектуальной деятельности», о контроле за «гражданским оборотом» данных результатов, о вовлечении в «гражданский оборот... результатов интеллектуальной деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий» [9, с. 17, 24, 148, 149].

Вполне возможно, что подобное представление об оборотоспособности формировалось не без влияния отдельных нормативных правовых актов, принятых еще до введения в действие части четвертой ГК РФ и дополнения ст. 129 ГК РФ отмечавшимся п. 4, например Указа Президента РФ от 22 июля 1998 г. № 863 «О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий». Возможно, сказывалось и мнение авторитетных ученых. Например, в свое время профессор В.А. Дозорцев писал, что в этом акте «получили нормативное закрепление основные принципы», изложенные в его статье под названием «О мерах по развитию рынка интеллектуальных продуктов». Между тем в указанной статье предметом гражданского оборота (товаром) попеременно именовались то сами результаты интеллектуальной деятельности («интеллектуальные продукты»), что спорно, то исключительные права на них, что соответствует истине [10, с. 52, 110].

Возможно, поэтому до последнего времени некоторыми авторами утверждалось, будто не только права на «продукты творчества», но и сами эти продукты «приобретают значение одного из основных объектов экономического оборота». Не исключено, что на подобное утверждение автора навела его убежденность в том, будто «в основу концепции» части четвертой ГК «его разработчики положили идею, что участие объектов интеллектуальной собственности в гражданском обороте является вполне сопоставимым по значению и стоимости с участием в таком обороте материальных ценностей» [11, с. 5, 165]. Конечно, некоторые «разработчи-

ки», вероятно, так и полагали, а судя по отдельным публикациям, искренне полагают так (вопреки учению Маркса о товарном обмене) и до сих пор. Однако это прямо противоречит п. 4, которым ст. 129 части первой ГК РФ была дополнена по инициативе самих же «разработчиков».

В соответствии с Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 456 эпопея с «товаризацией» единой технологии закончилась признанием с 1 января 2022 г. утратившими силу как гл. 77 ГК РФ, так и Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии».

Резюмируя, следует подчеркнуть, что нежизнеспособность всех рассмотренных систем «товаризации» РИД и исключительных прав на охраняемые РИД обуславливается тем, что их действие пытались экономически необоснованными способами распространить (в аспекте реализации (внедрения) научно-технических достижений) как на охраняемые (типа изобретений), так и на неохраняемые достижения.

Одновременно (вопреки нематериальной природе продуктов умственного труда) пытались использовать в отношении распоряжения исключительными правами на эти достижения или на передачу самих достижений (ноу-хау) классические механизмы товарно-денежного оборота товаров-вещей, в том числе механизмы ценообразования на товары-вещи.

Несмотря на это, в позиции сторонников новой трактовки понятия интеллектуальной собственности по-прежнему прослеживается явная путаница в понимании распоряжения исключительным правом, а также ложная убежденность в мнимой товарности нематериальных РИД, исключительных прав на них, о распоряжении данными правами как о сделках купли-продажи или аренды и о вознаграждении за отчуждение исключительных прав, лицензионном вознаграждении и даже авторском вознаграждении как о цене товара. Так, высказывается мнение, будто «договорные обязательства по распоряжению исключительным правом оформляют использование объектов авторского и патентного права, смежных прав» [12, с. 543]. Однако никакое использование РИД эти договоры не оформляют, они опосредствуют только отчуждение (уступку) исключительного права от обладателя права к его приобретателю.

Недоумение вызывает и последующее утверждение, будто использование «исключительных прав их правообладателями» обычно осуществляется не только «путем их полного отчуждения», но и «путем их передачи в ограниченное пользование». В наших публикациях, в том числе в предыдущем издании того же учебника (2006 г.) употреблялось словосочетание «использование права на использование» как аналог распоряжения исключительным правом, поскольку еще не было ныне закрепленного в ст. 1229 ГК РФ универсального правомочия распоряжения любым исключительным правом.

Во-первых, непонятно, почему уже после вступления в действие части четвертой ГК РФ «по старинке» говорится об «использовании» права, а не о «распоряжении» им. А, во-вторых, не ясно, почему в сферу договорного распоряжения исключительным правом на нематериальные РИД «вбрасывается» вещное правомочие «пользования». Между тем

ранее тот же автор пояснял, что одним из элементов «триады» правомочий собственника вещи является правомочие пользования, и это правомочие «представляет собой основанную на законе возможность эксплуатации, хозяйственного или иного использования имущества путем извлечения из него полезных свойств» [13, с. 511]. Спрашивается: как можно извлекать «полезные свойства» из предоставленного по лицензии исключительного права, к примеру, на изобретение? Ведь в силу п. 1 ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору лицензиар не передает лицензиату «в ограниченное пользование» свое исключительное право, а лишь «предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования» охраняемого «результата интеллектуальной деятельности».

Далее, в свое время авторитетный специалист в исследуемой сфере неоднократно заявлял о «выходе на рынок» «интеллектуального продукта» как результата интеллектуальной деятельности. Но сразу же пояснял, что «на рынке выступает не сам результат интеллектуальной деятельности, а права на него» и следует вести речь о «рынке интеллектуальных прав» [10, с. 52]. Напротив, по мнению одного из «разработчиков» части четвертой ГК, «в развитом рыночном хозяйстве» сами «произведения науки, литературы и искусства, изобретения и т.д.» непременно имеют «экономический характер товара» [12, с. 66]. И вообще, «нематериальные блага (имущества), имеющие экономическую ценность», «могут приобретаться и отчуждаться в результате товарообмена, имея экономическую форму товара» [14, с. 39]. Непонятно — «характер» (т.е. суть) или только «форму» товара? Полная (но многозначительная) сумятица.

Более того, вторя ему, другой автор без тени сомнения заявляет, что «к объектам развитого гражданского оборота относятся не только вещи и связанные с ними имущественные права, но и приобретенные экономические свойства товара некоторые результаты творческой (интеллектуальной) деятельности, получившие правовое закрепление и охрану». И далее добавляет, что вообще «разнообразные художественные образы и символы, научно-технические идеи и решения и тому подобные нематериальные объекты», «будучи товарами», «имеют материальную ценность, а потому вовлекаются в гражданский (имущественный) оборот» [15, с. 239–240]. Иными словами, все ставится с ног на голову: не участие некоего объекта в обороте потенциально способно превратить его в товар, а априорное объявление данного объекта (образа, персонажа, изобретения) товаром предопределяет его оборотоспособность.

Разумеется, конечной целью договоров о распоряжении исключительными правами, как отмечалось, зачастую является использование охраняемых РИД. Тем не менее по смыслу п. 4 ст. 129 части первой ГК РФ в гражданском обороте участвуют не охраняемые РИД, а исключительные права на них. При этом и участие данных прав в обороте само по себе отнюдь не превращает их в товар, а сам процесс оборота — в классический товарно-денежный обмен с такими его атрибутами, как потребительная стоимость, стоимость и цена. Напомним, что эти атрибуты изначально формировались в отношении вещей как подверженных

износу (амортизации) продуктов труда. Наряду с потребительной стоимостью любая вещь обладает стоимостью, величина которой «определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, общественно необходимым для его изготовления» [16, с. 48]. Исходя из этого, цена любого товара-вещи определяется сопоставлением общественно необходимых (средних) затрат на производство его единицы с индивидуальными затратами производителя реального товара. Цена товара-вещи как раз и является «превращенной формой его стоимости или меновой стоимостью» [16, с. 261].

Ничего подобного нет ни у оборотоспособных исключительных прав, ни у их нематериальных объектов — ни натуральной формы, ни ее амортизации, ни средних затрат на производство единицы подобных объектов, ни самих таких единиц, ни даже самой потребности в воспроизводстве охраняемых РИД: к примеру, однажды созданное нематериальное изобретение сохраняется вечно, и у общества нет потребности в воспроизводстве уже имеющегося изобретения. Более того, по К. Марксу: «при данных условиях производства всегда точно известно, сколько нужно рабочих для того, чтобы сделать стол, как велико должно быть количество определенного вида труда, чтобы изготовить определенный продукт. Иначе обстоит дело со многими «нематериальными продуктами». Здесь определение количества труда, требующегося для получения определенного результата, является столь же гадательным, как и самый результат».

Поэтому невозможно представить установление неких средних (общественно необходимых) затрат на создание неких единиц образов (Андрея Болконского, Аксиньи и др.) или изобретений и прав на них, а также не поддающихся никакому учету затрат индивидуального умственного труда их авторов (Льва Толстого, Михаила Шолохова и др.) на предмет определения размера их авторских гонораров как «цены» подобных «товаров».

Еще почти полвека назад нами в опубликованной в 1974 г. в издательстве МГУ монографии «Материальное стимулирование авторов изобретений (правовые вопросы)» было установлено наличие представленных различными авторами теорий вознаграждения за изобретения (распространяемых, впрочем, и на другие РИД): 1) меновой, 2) трудовой и 3) премиальной. Изложенное означает, что теоретически справедливый баланс прав и интересов в сфере интеллектуальной собственности не может быть найден ни на базе меновой (товарной), ни при помощи трудовой концепции (т.е. вознаграждения по вложенному труду). Единственно верной является лишь премиальная концепция, т.е. определение размера любого вознаграждения (а не «цены») за РИД или за распоряжение исключительным правом на него в зависимости только от ценности самого РИД, в том числе от соотношения таких показателей, как спрос и предложение на указанное право, а в конечном счете на сам РИД.

Теоретически необоснованная оценка экономической природы РИД и исключительных прав на них искажает также трактовку природы гражданско-правовых договоров по распоряжению данными правами. Сторонники товарной концепции неизбежно склоняются к квалификации данных до-

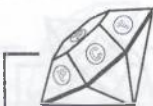
говоров как договоров купли-продажи либо аренды, т.е. двух массовых типов первого из традиционных классов договоров *даре* (*dare*), тысячелетия используемых в сделках с вещами.

В частности, утверждается, будто «договоры об отчуждении исключительного права представляют собой не особый, самостоятельный вид гражданско-правовых договоров, а собирательное понятие, охватывающее различные известные договоры (например, купли-продажи, мены, дарения и т.п.), объектом которых является исключительное право» [12, с. 544]. Это неизбежно ведет к абсурдному признанию вознаграждения за отчуждение исключительного права, лицензионного вознаграждения и всех видов авторского вознаграждения банальной «ценой товара» или «арендной платой». Подобный подход фактически тянет нас во времена Древнего Рима и Средневековья, когда помимо договоров класса *даре*, *фацере* (*facere*) (о выполнении работ) и *праестаре* (*praestare*) (о оказании услуг) не существовало самостоятельного класса договоров о приобретении исключительных прав, распоряжении ими и о передаче *ноу-хау*¹.

Первые соображения о формировании во всем мире самостоятельного класса договоров в сфере распоряжения исключительными правами были высказаны нами еще в далекие 80-е годы прошлого столетия. Первоначально он именовался классом «договоров о праве использования нематериальных благ», который предлагалось урегулировать в самостоятельной главе действовавших тогда Основ гражданского законодательства. При этом подобное решение проблем регулирования договорных обязательств в указанной сфере считалось предпочтительнее предлагавшегося другими авторами применения к ним «по аналогии» «норм о купле-продаже вещей». В дальнейшем к договорам о распоряжении исключительными правами, как было отмечено ранее, добавился самостоятельный тип договоров о передаче неохраниваемой конфиденциальной информации [17].

Тот факт, что на практике договорные способы распоряжения указанными правами лишь внешне напоминают товарно-денежный обмен, а на деле являются его имитацией (фантомом), использованием квазитоварно-денежной (а точнее — сугубо денежной) формы, констатировался нами (с многочисленными ссылками на классиков) еще более тридцати лет назад (в 1989 г.) в упоминавшейся ранее статье «Товарно-денежная форма научно-технической продукции». И уже тогда обосновывался вывод, что размер и вознаграждения за отчуждение исключительного права, и лицензионного вознаграждения должен определяться не по меновой модели цены товара и не по трудовой модели, а по премиальной модели — путем сопоставления спроса и предложения на данное право, а в конечном счете — на объект указанного права (произведение, фонограмму, изобретение и т.п.).

¹ В 2011 г. мне довелось быть рецензентом по кандидатской диссертации А.С. Касьянова на тему «Договорные способы распоряжения исключительным правом», в которой он «повелся» на отмеченную трактовку данных договоров. После рецензии аспирант основательно переработал диссертацию, а его научный руководитель (доцент В.С. Ем) горячо благодарил меня за то, что уберег и аспиранта, и его самого от научного позора.

Искаженное понимание природы договоров о распоряжении исключительными правами, экономической природы соответствующего вознаграждения и имущественных санкций за нарушение указанных прав приводит к противоречивым формулировкам в законодательстве. Например, согласно ст. 1235 ГК РФ «при отсутствии в возмездном лицензионном договоре условия о размере вознаграждения или порядке его определения» к нему «не применяются» «правила определения цены, предусмотренные п. 3 ст. 424 ГК РФ», в силу которых если в возмездном договоре цена не предусмотрена, «исполнение договора может быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги». Эта норма лишней раз свидетельствует о том, что предоставленное по лицензии право использования РИД не является ни товаром, ни работой, ни услугой и что лицензионное вознаграждение (как и вознаграждение за отчуждение исключительного права) не служит синонимом цены товара или арендной платы по договорам купли-продажи либо аренды вещи.

В то же время теоретически необоснованными являются попытки увязки определения размера компенсации за нарушение исключительных прав по существу с мнимой товарностью данных прав (ст. 1301, 1313, 1406.1 и п. 4 ст. 1515 ГК РФ), когда предусматривается, к примеру, за нарушение исключительного права на производство выплата вознаграждения «в двукратном размере стоимости прав использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается» за его «правомерное использование тем способом, который использовал нарушитель».

И еще пример: вознаграждение, предусматривавшееся Правилами выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 4 июня 2014 г. № 512, в противоречие с отмечавшейся природой данного вознаграждения, не сводимого к оплате по труду, напрямую увязано с заработной платой авторов. Указанное вознаграждение выплачивалось в размере 30% средней заработной платы работника — автора изобретения за последние 12 календарных месяцев и 20% аналогичной заработной платы работника — автора полезной модели или промышленного образца. Поэтому, как указывалось в прессе, все эти нововведения (подобное, кстати, отмечалось нами еще более полувека назад [18, с. 63]) подстегнут «предприимчивость наиболее энергичных оформителей заявок. Они будут подавать не по одной-две заявки в год, а по 10 и 20». Естественно, при этом «качество среднего изобретения будет падать»². Не в последнюю очередь именно вследствие низкой экономической ценности охраняемых изобретений только за пять лет (с 2014 по 2018 г.) в России было «досрочно прекращено действие более 177 тыс. патентов» [19].

Не менее негативным было и другое последствие: в случае создания служебного изобретения в соавторстве с руководителем фирмы соавтор —

рядовой инженер за одинаковый творческий вклад мог получить вознаграждение (пропорционально его зарплате) значительно меньшее, чем вознаграждение руководителя.

Постановлением Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 постановление Правительства РФ от 4 июня 2014 г. № 512 признано утратившим силу с 1 января 2021 г. Новые Правила выплаты вознаграждения за служебные изобретения, полезные модели и промышленные образцы, действующие с 1 января 2021 г. (до 1 января 2027 г.), скорректировали размеры и сроки выплаты указанного вознаграждения. Однако, к сожалению, они не устранили неадекватной привязки размера данного вознаграждения к средней заработной плате работника — автора соответствующего охраняемого достижения.

Из всего сказанного следует, что в сфере права интеллектуальной собственности, во-первых, необходимо навсегда отказаться от любых попыток «товаризации» нематериальных РИД, исключительных прав на них и договоров о распоряжении этими правами, а также от поисков единых универсальных критериев оценки и всех РИД, и прав на них. Во-вторых, целесообразно сосредоточиться на хотя и трудоемком и длительном, но теоретически оправданном процессе разработки экспертным путем многочисленных методик определения относительной ценности различных охраняемых РИД (и прав на них) только в сравнении друг с другом. В-третьих, важно установить поправочные коэффициенты к различным уровням ценности сопоставляемых РИД (и прав на них) и их привязки к некоей базовой сумме (например, к сумме прожиточного минимума). Представляется, что основы подобных методик могли бы разработать Минэкономразвития (совместно с Роспатентом) и Минкультуры России. Одна из таких методик (применительно к определению размеров вознаграждения за изобретение в сопоставлении их с премиями за новую технику) предлагалась нами еще в 1974 г. в упоминавшейся ранее монографии «Материальное стимулирование авторов изобретений (правовые вопросы)». О целесообразности разработки подобных методик применительно к авторскому вознаграждению высказывались и другие авторы [20].

Литература

1. Зенин И.А. Смена парадигмы интеллектуальной собственности и справедливый баланс исключительных прав / И.А. Зенин // Право интеллектуальной собственности. 2020. № 1 (59). С. 4–11.
2. Маркс К. Сочинения. В 39 томах. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Москва : Изд-во политической лит-ры, 1960. 908 с.
3. Устинов М.Н. Научно-технические разработки как товар / М.Н. Устинов // Вопросы изобретательства. 1988. № 9.
4. Зенин И.А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности : избранные труды / И.А. Зенин. Москва : Статут, 2015. 525 с.
5. Рассохин В.П. Основой быть не может / В.П. Рассохин // Вопросы изобретательства. 1991. № 1.
6. Зенин И.А. Рынок и право интеллектуальной собственности в СССР / И.А. Зенин // Вопросы изобретательства. 1991. № 3.

² Петрова Т. Новатор? В кассу! // Российская газета. 2014. 1 октября.

7. Ерёменко В.И. Комментарий части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Э.П. Гаврилов, В.И. Ерёменко. Москва : Экзамен, 2009. 978 с.

8. Гражданское право России: наука, законы, правосудие, итоги года : материалы Международной конференции (г. Москва, 28 января 2016 г.) : сборник научных статей. Москва : Статут, 2016. 318 с.

9. Жамойдик К.М. Введение в гражданский оборот результатов НИОКР, выполненных по государственному контракту : диссертация кандидата юридических наук / К.М. Жамойдик. Москва, 2016. 204 с.

10. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей / В.А. Дозорцев. Москва : Статут, 2003. 416 с.

11. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели : диссертация доктора юридических наук / А.Г. Матвеев. Москва, 2016. 423 с.

12. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник / ответственный редактор Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2010. 1208 с.

13. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 2. Обязательственное право : учебник / ответственный редактор Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2010. 958 с.

14. Гражданское право. В 4 томах : учебник для студентов / В.Ю. Бузанов, А.С. Ворожевич, А.В. Копылов [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. Т. 1: Общая часть / А.В. Асосков, В.С. Ем, В.В. Витрянский [и др.] 2-е изд., перераб. и доп. Москва : 2019. 576 с.

15. Гражданское право. В 4 томах : учебник для студентов / В.Ю. Бузанов, А.С. Ворожевич, А.В. Копылов [и др.] ; ответственный редактор Е.А. Суханов. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : 2019. 464 с.

16. Маркс К. Сочинения. В 39 томах. Т. 26. Часть 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Москва : Изд-во политической лит-ры, 1962. 509 с.

17. Зенин И.А. Структура, функции и условия эффективности гражданского законодательства в области научно-технического прогресса : автореферат диссертации доктора юридических наук / И.А. Зенин. Москва, 1980. 29 с.

18. Зенин И.А. Вознаграждение изобретателей и рационализаторов в СССР : учебное пособие / И.А. Зенин. Москва : Изд-во ЦНИИПИ, 1968. 120 с.

19. Лопатин В.Н. Проблемы формирования собственного рынка интеллектуальной собственности в 2018 г. и приоритеты на перспективу до 2025 г. как условие конкурентоспособности в цифровой экономике / В.Н. Лопатин // Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности : Одиннадцатый международный Форум (г. Москва, 23 апреля 2019 г.) : сборник докладов, документов и материалов / под научной редакцией В.Н. Лопатина. Москва : РНИИИС, 2019. 436 с.

20. Близнац И. Тарифы на авторское вознаграждение — кто их должен устанавливать? / И. Близнац, А. Антонова // Интеллектуальная соб-

ственность. Авторское право и смежные права. 2004. № 4. С. 25–33.

References

1. Zenin I.A. Smena paradigmy` intellektualnoy sobstvennosti i spravedlivy`y balans iskluchitelny`kh prav [The Change in the Intellectual Property Paradigm and a Fair Balance of Exclusive Rights] / I.A. Zenin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2020. № 1 (59). S. 4–11.

2. Marx K. Sochineniya. V 39 tomakh. T. 23 [Writings. In 39 volumes. Vol. 23] / K. Marx, F. Engels. 2-e izd. — 2nd edition. Moskva : Izd-vo politicheskoy lit-ry` — Moscow : Publishing house of Political Literature, 1960. 908 s.

3. Ustinov M.N. Nauchno-tehnicheskie razrabotki kak tovar [Research and Development Deliverables as Goods] / M.N. Ustinov // Voprosy` izobretatelstva — Issues of Inventing. 1988. № 9.

4. Zenin I.A. Problemy` rossiyskogo prava intellektualnoy sobstvennosti : izbranny`e trudy` [Issues of Russian Intellectual Property Law (selected works)] / I.A. Zenin. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2015. 525 s.

5. Rassokhin V.P. Osnovoy by`t ne mozhet [It Cannot Serve as the Foundation] / V.P. Rassokhin // Voprosy` izobretatelstva — Issues of Inventing. 1991. № 1.

6. Zenin I.A. Ry`nok i pravo intellektualnoy sobstvennosti v SSSR [Market and Intellectual Property Law in the USSR] / I.A. Zenin // Voprosy` izobretatelstva — Issues of Inventing. 1991. № 3.

7. Eremenko V.I. Kommentariy chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateyny`y) [A Commentary on Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (Article-by-Article)] / E.P. Gavrilov, V.I. Eremenko. Moskva : Ekzamen — Moscow : Examination, 2009. 978 s.

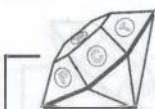
8. Grazhdanskoe pravo Rossii: nauka, zakony`, pravosudie, itogi goda : materialy` Mezhdunarodnoy konferentsii (g. Moskva, 28 yanvarya 2016 g.) : sbornik nauchny`kh statey [Russian Civil Law: Science, Laws, Justice, Results of the Year : materials of an international conference (Moscow, January 28, 2016) : collection of scientific articles]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 318 s.

9. Zhamoydik K.M. Vvedenie v grazhdanskiy oborot rezultatov NIOKR, vy`polnenny`kh po gosudarstvennomu kontraktu : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [An Introduction to Civil Circulation of R&D Deliverables Performed under a State Contract : thesis of PhD (Law)] / K.M. Zhamoydik. Moskva — Moscow, 2016. 204 s.

10. Dozortsev V.A. Intellektualny`e prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii : sbornik statey [Intellectual Rights. Concept. System. Codification Tasks : collection of articles] / V.A. Dozortsev. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2003. 416 s.

11. Matveev A.G. Sistema avtorskiykh prav v Rossii: normativny`e i teoreticheskie modeli : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Copyright System in Russia: Regulatory and Theoretical Models : thesis of LL.D.] / A.G. Matveev. Moskva — Moscow, 2016. 423 s.

12. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo. V 2 tomakh. T. 1. Obschaya chast. Veschnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektualny`e prava. Lichny`e neimuschestvenny`e prava : uchebnik [Russian Civil

Law. In 2 volumes. Vol. 1. The General Part. Real Right. Inheritance Right. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights : textbook] / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov — publishing editor E.A. Sukhanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 1208 s.

13. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo. V 2 tomakh. T. 2. Obyazatelstvennoe pravo : uchebnyy [Russian Civil Law. In 2 volumes. Vol. 2. Law of Obligations : textbook] / otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov — publishing editor E.A. Sukhanov. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 958 s.

14. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomakh : uchebnyy dlya studentov [Civil Law. In 4 volumes : textbook for students] / V.Yu. Buzanov, A.S. Vorozhevich, A.V. Kopylov [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. T. 1 : Obschaya chast' / A.V. Asoskov, V.S. Em, V.V. Vitryanskiy [i dr.] 2-e izd., pererab. i dop. — V.Yu. Buzanov, A.S. Vorozhevich, A.V. Kopylov [et al.] ; publishing editor E.A. Sukhanov. Vol. 1 : The General Part / A.V. Asoskov, V.S. Em, V.V. Vitryanskiy [et al.] 2nd edition, revised and enlarged. Moskva — Moscow, 2019. 576 s.

15. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomakh : uchebnyy dlya studentov [Civil Law. In 4 volumes : textbook for students] / V.Yu. Buzanov, A.S. Vorozhevich, A.V. Kopylov [i dr.] ; otvetstvenny'y redaktor E.A. Sukhanov. T. 2 : Veschnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektualny'e prava. Lichny'e neimuschestvenny'e prava. 2-e izd., pererab. i dop.— V.Yu. Buzanov, A.S. Vorozhevich, A.V. Kopylov [et al.] ; publishing editor E.A. Sukhanov. Vol. 2 : Real Right. Inheritance Right. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights. 2nd edition, revised and enlarged. Moskva — Moscow, 2019. 464 s.

16. Marx K. Sochineniya. V 39 tomakh. T. 26. Chast' 1 [Writings. In 39 volumes. Vol. 26. Part 1] / K. Marx, F. Engels. 2-e izd. — 2nd edition. Moskva : Izd-vo politicheskoy lit-ry' — Moscow : Publishing house of Political Literature, 1962. 509 s.

17. Zenin I.A. Struktura, funktsii i usloviya effektivnosti grazhdanskogo zakonodatelstva v oblasti nauchno-tekhnicheskogo progressa : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Structure, Functions and Conditions of the Efficiency of Civil Laws in the Field of Scientific and Technological Progress : author's abstract of thesis of LL.D.] / I.A. Zenin. Moskva — Moscow, 1980. 29 s.

18. Zenin I.A. Voznagrazhdenie izobretateley i racionalizatorov v SSSR : uchebnoe posobie [Remuneration of Inventors and Efficiency Experts in the USSR : textbook] / I.A. Zenin. Moskva : Izd-vo TSNIPI — Publishing house of the Central Research Institute of Patent Information, 1968. 120 s.

19. Lopatin V.N. Problemy' formirovaniya evraziyskogo ry'nka intellektualnoy sobstvennosti v 2018 g. i priority' na perspektivu do 2025 g. kak uslovie konkurentosposobnosti v tsifrovoy ekonomike [Problems of the Establishment of the Eurasian Intellectual Property Market in 2018 and Priorities until 2025 as a Condition of Competitiveness in the Digital Economy] / V.N. Lopatin // Innovatsionnoe razvitiye cherez ry'nok intellektualnoy sobstvennosti : Odinnadtsaty'y mezhdunarodny'y Forum (g. Moskva, 23 aprelya 2019 g.) : sbornik dokladov, dokumentov i materialov / pod nauchnoy redaktsiyey V.N. Lopatina — Innovative Development through the Intellectual Property Market : the eleventh international forum (Moscow, April 23, 2019) : collection of speeches, documents and materials / edited by V.N. Lopatin. Moskva : RNIIS — Moscow : RSRIIP, 2019. 436 s.

20. Bliznets I. Tarify' na avtorskoe voznaagrazhdenie — kto ikh dolzhen ustanavlivat' [Royalty Rates: Who Should Set Them?] / I. Bliznets, A. Antonova // Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhny'e prava — Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2004. № 4. S. 25–33.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как сослаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Становление патентного права как монопольного права патентообладателя (исторический аспект)

Залесов А.В.*

Аннотация. Актуальность. Монопольный характер патентного права достаточно редко отмечается отечественными специалистами, предпочитающими оперировать категориями прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД). Вместе с тем именно монополия на изобретение и составляет существо патентных прав на него. **Методы исследования:** исторический и сравнительно-правовой анализ.

Результаты. Изучено становление патентного права как института защиты прав прежде всего патентообладателя, а не изобретателя на примере исторического развития патентных систем Англии, США, Франции, Германии и России. Показано, что исключительное право патентообладателя возникает в силу выдачи патента, тогда как права изобретателя исторически носят второстепенный характер. Исторически абсолютное большинство патентов (более 80 процентов) выдаются не изобретателям, а иным лицам (как правило, это или работодатели изобретателя, или инвесторы), что не позволяет считать патентное право — правом изобретателя. Отчуждение изобретения и получаемого на него исключительного права от изобретателя также характеризует патентную систему. Показано, что исторически только в США, использовавших принцип «первого изобретателя», а не принцип «первого заявителя» в своей патентной системе, существовала система защиты интересов именно изобретателя, а не заявителя (патентообладателя по патенту). Российскими специалистами исторически отстаивались преимущества системы «первый заявитель», действовавшей в отечественной патентной системе. **Дискуссия.** Дополнительного обсуждения заслуживают вопросы соотношения монопольных прав патентообладателя, прав изобретателя (не являющегося патентообладателем) и интересов общества для выработки правовых механизмов исключения злоупотребления патентной монополией.

Ключевые слова: изобретатель, автор, заявитель, патентообладатель, патент, патентное право, право на изобретение, патентная монополия, исключительное право, патентная система, злоупотребление правом.

Abstract. Relevancy. The monopoly nature of a patent right is quite rarely noted by national specialists as they prefer using the categories of intellectual property (IP) rights. At the same time, it is the monopoly to the invention that constitutes the essence of patent rights thereto. **Research methods:** historical and comparative law analysis.

Results. The author studies the establishment of patent law as an institution of protection of rights of a patent holder rather than an inventor on the example of the historical development of the patent systems of England, USA, France, Germany and Russia. It is shown that the exclusive right of a patent holder emerges by virtue of patent issue while the inventor's rights have historically been of a secondary nature. The absolute majority of patents (more than 80 percent) have been historically issued not to inventors, but to other persons (as a rule, the inventor's employers or investors), so the patent right cannot be viewed as the inventor's right. The patent system is also characterized by alienation of an invention and the obtained exclusive right thereto from the inventor. It is shown that the system of protection of interests of an inventor rather than an applicant (patent holder) has historically existed only in the USA as its patent system has been based on the "first inventor" principle and not on the "first applicant" principle. Russian experts have been historically protecting the advantages of the "first applicant" system existing in the national patent system. **Discussion.** The issues of the correlation between monopoly rights of a patent holder, rights of an inventor (not being a patent holder) and interests of the society deserve to be additionally discussed to develop legal mechanisms of avoiding any patent monopoly abuse.**

Keywords: inventor, author, applicant, patent holder, patent, patent right, right to an invention, patent monopoly, exclusive right, patent system, abuse of right.

Исключительное патентное право может быть охарактеризовано как «принадлежащая патентообладателю законная монополия на изобретение». В этом кратком определении не случайно отсутствует упоминание изобретателя. В патентной системе автор изобретения отчужден от созданного им творческого объекта. Причем это отчуждение изобретателя является гораздо более выражен-

ным, чем для авторов объектов искусства в системе авторского права, так как эта отчужденность изобретателя от созданного им технического решения проявляется на всех этапах хозяйственной жизни изобретения. Так сложилось исторически, что оборот вещей, в которых было воплощено изобретение, контролировал патентообладатель, а не изобретатель (например, при помощи лицензий).

* Залесов Алексей Владимирович, адвокат, патентный поверенный, управляющий партнер АБ «А. Залесов и партнеры» (г. Москва), кандидат юридических наук. Электронный адрес: zalesov@azalesov.com

Рецензент: Оморов Роман Оморович, член редколлегии, заведующий лабораторией Института машиноведения и автоматизации Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР), член-корреспондент НАН КР, доктор технических наук, профессор.

** The Establishment of a Patent Right as a Monopoly Right of the Patent Holder (the Historical Aspect)

Aleksey V. Zalesov, Attorney, Patent Lawyer, Managing Partner at A. Zalesov and Partners Law Firm (Moscow), PhD (Law).

Reviewed by: Roman O. Omorov, Member of the Editorial Board, Laboratory Head of the Institute of Mechanical Engineering and Automation of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (NAS KR), Corresponding Member of the NAS KR, Doctor of Engineering, Professor.

Разумеется, отчуждение результата творчества от его автора-создателя при введении в оборот прав на этот результат имеет место и даже необходимо как для патентного, так и для авторского права, но необходимо понимать особенности и различную степень такого отчуждения.

Это первым заметил Гегель, который писал: «Отдельные продукты моего особенного духовного умения... я могу отчуждать другому ... В произведении искусства форма воплощения... есть в качестве вещи своеобразие произведшего индивида, ... в техническом изобретении... нечто механистическое, потому что оно вообще имеет механистическое содержание и способ создания таких вещей как вещей вообще относится к числу обычного умения» [1, с. 127]. К.И. Скловский отмечает отчуждение произведения от автора как свойство процесса создания творческого новшества: «создав произведение, автор отчуждает его от себя» [2, с. 167]. Именно в силу механистического, промышленного характера объекта в патентном праве это отчуждение гораздо сильнее, чем в праве авторском.

В современном патентном праве, как в России, так и во всех иных юрисдикциях, патент выдается заявителю, указанному в заявке на выдачу патента, но не собственно изобретателю. Таким образом, исключительное право по патенту принадлежит патентообладателю, но не автору изобретения. При этом право на получение патента изначально принадлежит изобретателю или его правопреемнику (работодателю автора для служебного изобретения). В этом есть некое фактическое противоречие, хотя если имеет место уступка права от изобретателя заявителю или совпадение заявителя и изобретателя в одном лице, то противоречия нет.

Исторически привилегия на изобретение также всегда выдавалась просителю, который получал изобретение от автора (если он не был сам автором). Взаимоотношения по поводу получения патента-привилегии и далее по поводу монопольного коммерческого использования изобретения, т.е. патентные правоотношения, происходили всегда между просителем (патентовладельцем), государством и третьими лицами. Права и интересы самого изобретателя стоят несколько особняком в патентной системе. Такое «второстепенное» положение изобретателя складывалось исторически почти во всех странах.

Правовая охрана изобретений, основанная на законе, а не на разовых милостях-привилегиях монарха, родилась в Англии в 1623 г., когда был издан первый общий закон о привилегиях на промышленные изобретения, как составная часть английского статута о монополиях. До этого в различных европейских странах монархи своей волей и без всякой законной процедуры выдавали привилегии-монополии, в том числе и на технические новшества, но такая практика еще была очень далека от основанной на праве патентной системы, ввиду отсутствия признака нормативности в такой деятельности суверена.

Интересующиеся историей патентного права знают, что привычная нам патентная система создавалась в Англии и чуть позже в США, иных европейских странах и в России для систематического и основанного на законе развития промышленно-

го производства путем выдачи монополий на технико-экономические новшества, а не для защиты прав изобретателей. Ключевой целью государств того времени было внедрение передовых технологий, поэтому акцент патентных законов был сделан на требовании использования монополии в производстве (неиспользуемые монополии аннулировались) и обучении иных лиц (например, требовалось взять учеников в монопольное производство), а впоследствии это требование было заменено на правило об опубликовании изобретения. Также сувереном обычно взималась значительная пошлина, что делало патент недоступным «простому» изобретателю. Изначально нормы об изобретениях английского статута о монополиях были очень скудны. Закон не предусматривал создания специализированного патентного ведомства (привилегии выдавались различными представителями короны и непосредственно королевскими актами) и даже не устанавливал срок охраны изобретения (периодически издавались акты об аннулировании неиспользуемых ранее выданных монополий). Английское патентное законодательство развивалось постановлениями судов и палаты лордов, например, «по догадке лорда Сокеа» был установлен 14-летний срок охраны, при этом владелец должен был взять учеников сроком на 7 лет для того, чтобы они освоили изобретение и после окончания монополии расширили данное производство.

Как указывал В.Д. Катков [3, с. 23], «Согласно толкованию Статута 1623 г., данному судами, патент для своей действительности должен обладать следующими важными качествами: 1) он не должен превышать 14-летнего срока, 2) должен быть выдан «истинному и первому» изобретателю, 3) должен быть в наличии новость изобретения, 4) привилегия не должна быть противною закону». В период правления королевы Анны (1702 — 1714) представители короны стали требовать от заявителей представления описания изобретения за подписью и печатью просителя. Описание это называлось Specification, к нему прилагались технические рисунки (чертежи). Оно хранилось в Королевском суде (Court of Chancery), где централизована была к этому времени и выдача патентов. Прошение о привилегии, хотя и подавалось от имени «действительного и первого изобретателя», могло испрашивать патент на иного патентодержателя. Очевидно, что монополией распоряжалось лицо, которому она была выдана, т.е. далеко не всегда сам изобретатель. Королевских монополий на использование изобретений в первые два столетия существования патентной системы в Англии выдавалось считанные единицы (известно, что за 100 лет, с 1680 по 1780 г., было выдано около 800 патентов, т.е. в среднем 8 патентов в год). С 1623 по 1850 г. в статут о монополиях вносилось лишь небольшое число не слишком существенных изменений (например, допуск публики за небольшую плату снимать копии с поданных описаний изобретений).

Толчком к радикальной модернизации патентного законодательства в Англии стала Всемирная выставка в Лондоне 1851 г., которая привлекла широкое внимание к проблеме правовой охраны промышленных новшеств. Ради участников выставки был издан специальный акт, дававший временную правовую охрану изобретениям, демонстрируемым

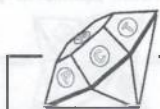

на выставке. Принятый по окончании выставки в 1853 г. новый английский статут о патентах ввел временную правовую охрану изобретения в течение 6 месяцев с момента подачи заявки, учредил патентное ведомство со специализированной библиотекой (находилось в ведении Комиссии по торговле), которое публиковало выданные патенты. Во многом английская система сохранила черты этого закона и поныне, изменив их лишь количественно и введя новые объекты охраны.

Североамериканские английские колонии, впоследствии объединившиеся в Соединенные Штаты Америки, начали охранять изобретения, разумеется, чуть позже метрополии — сведения о выдаче патентов, действовавших в отдельных американских колониях, имеются начиная с 1634 г. Достаточно много известно о развитии патентного статута, например, штата Коннектикут (принят в 1663 г., изменен в 1675 и 1715 гг.). Значительный шаг вперед в правовой охране изобретений был сделан на Североамериканском континенте при учреждении Союза штатов и принятии Конституции США в 1787 г. Вопросы прав авторов и изобретателей считались очень важными для отцов-основателей Соединенных Штатов, некоторые из которых сами были изобретателями и понимали важность такой единой охраны на территории США. Введению охраны изобретений способствовала экономическая ситуация: это происходило в условиях довольно быстрого промышленного подъема при окончательном отделении от метрополии. В Конституцию США был включен раздел о полномочиях Конгресса по охране изобретений (параграф 8 раздела 8 ст. 1), в соответствии с которым законодателями был принят первый закон о патентах в 1790 г. Данный единый для всех штатов закон предусматривал экспертизу заявленного изобретения, но довольно быстро он был изменен на новый закон о патентах (в 1793 г.), по которому единый патент США выдавался явочным порядком (экспертиза более не проводилась) канцелярией государственного секретаря (отдельного ведомства не было). В 1836 г. Конгресс принял новый закон, учредив Патентное ведомство США и снова введя экспертизу заявок, которая устанавливала соответствие условиям новизны, полезности и важности изобретения (три условия патентоспособности существует в США и сейчас, но вместо важности действует требование изобретательского уровня). Патент выдавался лицу, которое клятвой заверяло, что оно является «действительным и первым изобретателем». Ведомство взимало существенную пошлину (даже приносившую прибыль) и публиковало сведения о выданных и истекших патентах, а также их притязания (claims). Соединенные Штаты Америки долгие годы оставались страной с «культурой изобретателя», что ярко проявилось в особенностях становления и развития национальной патентной системы по принципу «первого изобретателя», а не «первого заявителя», где по настоящее время заявку на патент может подать только сам изобретатель (в случае уступки права на получение патента от изобретателя к иному лицу к заявке должен быть приложен распорядительный документ по такой сделке — assignment of the right for invention).

Во Франции Королевский эдикт от 24 декабря 1762 г. в первый раз ввел несколько общих правил по вопросу охраны изобретений через королевские привилегии и являлся первым французским патентным законом. До этого изобретения во Франции охранялись путем выдачи королем специальных привилегий на условиях, которые ему были удобны и никак нормативно не регулировались. Привилегии, которых выдавалось достаточно мало, носили ярко выраженный характер монаршей милости: некоторые из изобретателей получали ее, тогда как многие, не имевшие влиятельных заступников перед короной, устранились. Таким образом, привилегия на технические новшества выдавались во Франции до 1762 г. не только и не столько изобретателям, сколько просителям, которые могли рассчитывать на ничем не ограниченную монаршую милость. Принятый в 1762 г. эдикт формально исключал произвольность воли абсолютного монарха. Такая «нормативно установленная» система королевских монополий на изобретения просуществовала до августа 1789 г., когда она была отменена вместе со всем корпусом королевских привилегий во времена французской революции. Новый республиканский патентный закон 1791 г. вводил требование новизны и важности изобретения, но предусматривал выдачу патента без экспертизы. Патент выдавался лицу, указавшему, что он является автором изобретения в заявке, либо правопреемнику такого лица. В 1792 г. законодатели Франции уточнили в законе объекты, допустимые для патентования, прямо запретив патентование всевозможных финансовых схем и способов ведения коммерции. Этот шаг был вынужденным, так как французские патенты, выдаваемые явочным порядком, стали массовым орудием ловкачей, которые патентом подтверждали перспективность (новизну и важность) своих финансовых проектов среди несведущей в патентном деле общественности. Французские патенты часто становились основами финансовых пирамид.

В Германии, ввиду ее государственной разрозненности, до 1871 г. изобретения охранялись привилегиями, выдаваемыми по воле суверенов отдельных земель. В большинстве германских княжеств и городов были свои статуты, нормативно регулирующие требования к изобретениям и срок предоставляемой привилегии (Бранденбург — 20 лет, Ганновер — 10 лет). В некоторых землях, например, в Силезии, действовали также и привилегии, выдаваемые со стороны германского императора (на 10 лет). Охрана изобретений развивалась в немецких землях медленно и явно отставала от остальных стран Европы, именно из-за отсутствия единой суверенной территории. В каждом, даже самом крохотном государстве действовал свой патент. Некоторая унификация охраны к середине XIX в. была связана с тем, что ряд немецких земель вошли в таможенный союз в 1842 г., но все равно патенты выдавались каждым государством самостоятельно. В этих условиях патентование было малоэффективным — только немногие успешные предприятия могли позволить себе осуществление патентования во многих немецких юрисдикциях, а рынок отдельных небольших немецких государств был слишком мал для окупаемости внедрения новшества.

Так, в Пруссии общие принципы выдачи привилегий были установлены Приказом министра торговли и финансов от 14 октября 1815 г. с последующими изменениями и дополнениями. Патенты выдавались на собственные изобретения и введение ввозных изобретений сроком от 6 месяцев до 15 лет. Условиями выдачи привилегии были определены новизна и своеобразность изобретения, что проверялось в ходе предварительной экспертизы. Новизна могла быть признана фактом публикации изобретения в любой стране или фактом применения на территории Пруссии. Заявка подавалась в местное правительственное учреждение, к ней прилагались описание и чертежи, раскрывающие изобретение. Собственно экспертиза проводилась специалистами Королевской промышленно-технической депутации. После выдачи привилегии патентообладатель обязан был за свой счет опубликовать изобретение в газетах своей провинции в течение 6 недель и начать коммерческое использование изобретения в течение 6 месяцев. Предусматривалось право преждепользования, если кто-то начал использование до выдачи привилегии. Намеренное нарушение привилегии влекло ответственность в виде конфискации средств производства нарушителя и штрафа.

В России первый закон о привилегиях датирован 17 июня 1812 г. и изложен в полном собрании законов Российской империи, как манифест о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах. Если не считать короткого периода 1790 — 1793 гг. в американском законодательстве, то это был первый закон, который предусматривал систему выдачи патента после проведения обязательного «предварительного исследования изобретения», т.е. по результатам экспертизы патентоспособности заявленного объекта. Это был очень передовой шаг в развитии патентных практик. Патент на изобретение, созданное в России, выдавался заявителю, при этом в заявке обязательно указывалось имя изобретателя. То есть Россия в начале XIX в. ускоренно создавала передовую патентную систему, которая в дальнейшем обеспечила бурный рост отечественной экономики вплоть до революции 1917 г.

При разработке нового закона о привилегиях император Александр I поручил министру М.М. Сперанскому приготовить по данному делу докладную записку и сам законопроект. Как указывал А.А. Пиленко [4, с. 12], записка Сперанского кратко, но чрезвычайно детально раскрывала вопрос. Причем в записке, признавая изобретение «собственностью изобретателя», обосновывалась необходимость выдачи привилегии не изобретателю, а именно заявителю в обмен на раскрытие изобретения, т.е. введение системы «первого заявителя». При этом первый российский закон предусматривал возможность доказывания «факта более раннего изобретения» иным лицом в суде. Вместе с тем, как пишет А.А. Пиленко [4, с. 18], предусмотренный законом ввозной патент на импортируемое техническое новшество, в отличие от изобретений, созданных в России, прямо предусматривал ввоз и монопольное использование чужих разработок по выдаваемой привилегии, поэтому имя изобретателя (как и передача прав от него

к заявителю) в данном случае для получения привилегии не требовались. Ввозной патент заведомо выдавался не автору изобретения и не его правопреемнику.

Примечательно, что возникшая в XIX в. международная система охраны изобретений, которая основывалась на Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., также уже оперировала категориями прав заявителя, но не изобретателя. Примечательно, что такой абсолютный переход от «права изобретателя» к «праву заявителя» не вызывал в Западной Европе, где, собственно, и функционировал Парижский союз, никаких возражений, хотя и отмечался исследователями, прежде всего Г. Боденхаузенем [5, с. 77]. Ключевым моментом в правиле «первого заявителя» была правовая определенность получаемого заявителем титула.

Еще в 1902 г. в России, которая тогда не участвовала в Парижской конвенции, об этих особенностях системы «первый заявитель» в сравнении с системой «первый изобретатель» (не употребляя, правда, этих названий) подробно писал В.Д. Катков [3, с. 48], который указывал, что выдача патента не изобретателю, возможная в российской патентной системе, может, и является несправедливой, но является целесообразной, а иначе патентная система будет очень громоздкой, как в США, где «выясняют, кто является первым изобретателем».

Таким образом, исторически патентное право как право государственных привилегий (монополий) возникло в России и в большинстве других государств в виде права промышленника, выражаясь современным языком, — инвестора, а не изобретателя. При этом в большинстве стран изобретатель указывался в качестве выгодоприобретателя от действия патентной системы, хотя по факту патент редко выдавался именно изобретателю: лично изобретатель становился патентообладателем в абсолютном меньшинстве случаев (менее 20–30 процентов). Это соотношение исторически мало изменилось. Подавляющее большинство патентов выдается и сегодня не авторам, а их работодателю или юридическим лицам — инвесторам проекта.

В действующем российском патентном законодательстве (ст. 1374 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) указано, что «Заявка на выдачу патента ... подается в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности лицом, обладающим правом на получение патента в соответствии с настоящим Кодексом (заявителем)». При этом таким «лицом, обладающим правом на получение патента» может быть автор (ст. 1345 ГК РФ), работодатель автора для служебного изобретения (ст. 1370 ГК РФ), их правопреемники, а также лица, получившие это право от указанных лиц по различного вида договорам. Роспатент не проверяет основание получения права на получение патента у заявителя, считая, что такое право у заявителя имеется. Патент (при условии патентоспособности изобретения и уплаты пошлины) выдается заявителю в беспорядке. В дальнейшем спор о праве авторства и праве на патент может быть рассмотрен в исковом производстве Судом по интеллектуальным

правам (ст. 1398 ГК РФ), но таких споров — единицы. Поэтому можно констатировать, что патентное право — это прежде всего право патентообладателя, а не изобретателя.

О сложившейся исторически монополистической сути субъективного патентного права современные российские специалисты рассуждают неохотно даже теоретически, предпочитая использовать термин «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» в отношении изобретения как результата творческой деятельности. Редкие работы современных отечественных ученых (Э.П. Гаврилов [6], О.А. Городов [7], И.А. Зенин [8], В.И. Еременко [9], А.С. Ворожевич [10]), поднимающие тему монополии на изобретение, являются доказывающими правило исключениями.

Отсутствие системного изучения и научно-го осмысления монополистических черт патентной системы не позволяет подробно увидеть и законодательно исправить отдельные отрицательные черты ее работы. Негативные явления, такие как злоупотребление патентной монополией («злоупотребление патентом»), хотя и отмечаются, но не осмысливаются как именно системное явление. Эти требующие анализа искажения и отступления от правильного функционирования патентов, свойственные для монополистических систем, объективно противоречат интересам устойчивого экономического развития с соблюдением правомерных интересов общества (например, социальной доступности жизненно важных лекарственных средств).

Литература

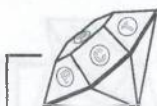
1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права* / Г.В.Ф. Гегель; перевод с немецкого Б.Г. Столпнера. Москва : Мир книги : Литература, 2007. 462 с.
2. Скловский К.И. *Собственность в гражданском праве* / К.И. Скловский. 5-е изд., перераб. Москва : Статут, 2010. 891 с.
3. Катков В.Д. *О привилегия (патентах) на промышленные изобретения* / В.Д. Катков. Харьков : Печатное дело, 1902. 229 с.
4. Пиленко А.А. *Очерки истории русского законодательства о привилегиях на изобретения* / А.А. Пиленко // *Вестник Права*. 1900. № 10. С. 47–82.
5. Боденхаузен Г. *Парижская конвенция по охране промышленной собственности* : комментарий / Г. Боденхаузен ; перевод с французского Н.Л. Тумановой ; под редакцией М.М. Богуславского ; вступительная статья Е.П. Питовранова. Москва : Прогресс, 1977. 306 с.
6. Гаврилов Э.П. *О монополии из патента на изобретение* / Э.П. Гаврилов // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2021. № 9. С. 56–58.
7. Городов О.А. *Патентная монополия на изобретения* / О.А. Городов // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. 2020. № 9. С. 12–20.
8. Зенин И.А. *Творческий труд как правовая категория* / И.А. Зенин // *Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики* : сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Е.А. Суханова / составители: В.С. Ем [и др.]. Москва : Статут, 2018. С. 17–26.
9. Еременко В.И. *Исключения из патентной монополии в соответствии с частью четвертой ГК РФ /*

В.И. Еременко // *Законодательство и экономика*. 2008. № 8. С. 28–34.

10. Ворожевич А.С. *Принцип эстоппеля в патентном праве: основания и практика применения* / А.С. Ворожевич // *Закон*. 2020. № 4. С. 88–106.

References

1. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Right] / G.W.F. Hegel ; perevod s nemetskogo B.G. Stolpnera — translated from German by B.G. Stolpner. Moskva : Mir knigi : Literatura — Moscow : Book World : Literature, 2007. 462 s.
2. Sklovsky K.I. *Sobstvennost v grazhdanskom prave* [Property in Civil Law] / K.I. Sklovsky. 5-e izd., pererab. — 5th edition, revised. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2010. 891 s.
3. Katkov V.D. *O privilegiyakh (patentakh) na promy shlenny'e izobreteniya* [On Privileges (Patents) on Industrial Inventions] / V.D. Katkov. Kharkov : Pечатное дело — Kharkov : Printing Business, 1902. 229 s.
4. Pilenko A.A. *Ocherki istorii russkogo zakonodatelstva o privilegiyakh na izobreteniya* [Sketches of History of Russian Laws on Invention Privileges] / A.A. Pilenko // *Vestnik Prava — Legal Bulletin*. 1900. № 10. S. 47–82.
5. Bodenhause G. *Parizhskaya konventsiya po okhrane promy shlennoy sobstvennosti* : kommentariy [Paris Convention for the Protection of Industrial Property : commentary] / G. Bodenhause ; perevod s frantsuzskogo N.L. Tumanovoy ; pod redaktsiey M.M. Boguslavskogo ; vstupitel'naya statya E.P. Pitovranova — translated from French by N.L. Tumanova ; edited by M.M. Boguslavsky ; introductory article by E.P. Pitovranov. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1977. 306 s.
6. Gavrilov E.P. *O monopolii iz patenta na izobretenie* [On the Monopoly of the Patent for Invention] / E.P. Gavrilov // *Patenty i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2021. № 9. S. 56–58.
7. Gorodov O.A. *Patentnaya monopoliya na izobreteniya* [Patent Monopoly over Inventions] / O.A. Gorodov // *Patenty i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2020. № 9. S. 12–20.
8. Zenin I.A. *Tvorcheskiy trud kak pravovaya kategoriya* [Creative Work as a Legal Category] / I.A. Zenin // *Grazhdanskoe pravo: sovremennyye problemy nauki, zakonodatelstva, praktiki* : sbornik statey k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora E.A. Sukhanova / sostaviteli : V.S. Em [i dr.] — Civil Law: Modern Problems of Science, Legislation, Practice : collection of articles on the anniversary of LL.D., Professor E.A. Sukhanov / compiled by : V.S. Em [et al.]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2018. S. 17–26.
9. Eremenko V.I. *Isklyucheniya iz patentnoy monopolii v sootvetstvii s chastyu chetvertoy GK RF* [Exceptions from Patent Monopoly in Accordance with Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation] / V.I. Eremenko // *Zakonodatelstvo i ekonomika — Legislation and Economics*. 2008. № 8. S. 28–34.
10. Vorozhevich A.S. *Printsip estoppelya v patentnom prave: osnovaniya i praktika primeneniya* [The Estoppel Principle in Patent Law: Grounds and the Application Practice] / A.S. Vorozhevich // *Zakon — Law*. 2020. № 4. S. 88–106.

DOI: 10.18572/2072-4322-2021-4-17-20

Патентование при многонациональном соавторстве

Иванова Д.В.*

Актуальность. В современном научном мире создание новых результатов интеллектуальной деятельности нередко происходит при участии большого количества ученых из разных стран в составе многонациональных научных коллективов. Учитывая современные информационно-коммуникационные технологии, все меньшим препятствием становится различное гражданство и местонахождение таких соавторов. Однако юридические проблемы, сопровождающие эту деятельность и связанные с патентованием полученных технических результатов, остаются.

Результаты. Рассмотрены некоторые проблемные вопросы, возникающие при создании изобретения в соавторстве с гражданами различных юрисдикций. Проведен сравнительно-правовой анализ положений законодательства различных государств, регулирующих вопросы подачи заявки в зарубежных странах. Как правило, в национальных законодательствах предусматривается необходимость подачи заявки на получение патента в национальное патентное ведомство до подачи заявки в зарубежном государстве, получение разрешения (лицензии) на подачу первой заявки на получение патента не в своей стране, проверку на секретность, установление специального срока, который должен истечь после подачи заявки в свое национальное ведомство, прежде чем заявка будет подана в зарубежной стране.

Методология: исследование проводилось с использованием общенаучных методов познания — методов анализа, синтеза и диалектического метода, а также сравнительно-правового метода.

Дискуссия. Лицо, заинтересованное в получении патента на изобретение, созданное в многонациональном соавторстве, вынуждено учитывать действующие законы иных государств, которые могут отличаться от таковых в стране заявителя. Требуется дальнейшего исследования с точки зрения международной практики вопрос включения в законодательство об интеллектуальной собственности правила, касающегося сообладания правами на объекты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: автор, изобретение, секретное изобретение, многонациональное авторство, соавторство, заявитель, заявка на получение патента, интеллектуальная собственность, объект промышленной собственности, патент.

Relevancy. New intellectual property deliverables are often created in the modern scientific world by a large number of scientists from different countries being members of multinational research teams. Taking into account the modern information and communications technologies, different citizenship and location of such co-authors ceases to be an obstacle. However, legal problems associated with such activities and related to patenting of the obtained technical results remain.

Results. Some challenging issues arising in the creation of an invention by authors from different jurisdictions are reviewed. The author carries out a comparative law analysis of legal provisions of different states regulating application filing issues in foreign countries. As a rule, national laws stipulate the need to file a patent application to a national patent authority before filing an application with a foreign state, obtaining of a permission (license) for filing the first patent application in a foreign country, secrecy verification, setting a special period of time between filing an application with a national authority and filing an application in a foreign country.

Methods: the study is carried out using general scientific methods of cognition: the analysis, synthesis and dialectic methods as well as the comparative law method.

Discussion. A person interested in obtaining a patent for an invention created by multinational co-authors is forced to take into account the applicable laws of other states, which may differ from the laws of the applicant's country. The issue of the inclusion of rules concerning co-ownership of intellectual property rights in intellectual property laws requires further studies from the international practice standpoint.**

Keywords: author, invention, secret invention, multinational authorship, co-authorship, applicant, patent application, intellectual property, industrial property item, patent.

Проблемы соавторства как в авторском, так и в патентном праве исследовали, например, такие специалисты как Ю.Ю. Бугаевская [1], Л.О. Грибиниченко [2], Л.Ю. Грудцына [3],

С.Н. Ермолаев [4; 5], А.Н. Кривоногов и В.А. Цимбал [6], С.И. Крупко [7], К.В. Лиджеева и Б.Б. Насунова [8], А.В. Пермяков [9], С.С. Сидоркин [10], Е. Циркунова [11]. Однако никто из них не касался

Иванова Диана Владимировна, заведующий кафедрой права интеллектуальной собственности юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь), доцент, кандидат юридических наук. Электронный адрес: ivanovadv@bsu.by

Рецензент: Лопатин Владимир Николаевич, научный руководитель РНИИС, председатель межгосударственного и национального технического комитета по стандартизации «Интеллектуальная собственность» МТК 550/ТК481, эксперт РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (www: rniis.ru; E-mail: info@rniis.ru).

** **Patenting objects of patent law with multinational authorship**

Diana V. Ivanova, Head of the Department of Intellectual Property Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus, PhD (Law), Associate Professor. E-mail: ivanovadv@bsu.by

Reviewed by: Vladimir N. Lopatin, Academic Director of the RNIIS, Chairman of Intellectual Property International and National Engineering Standardization Committee, MTK 550/TK481, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, LL.D., Professor.

проблемных вопросов, которые возникают, когда соавторы относятся к разным юрисдикциям.

Подача заявки на получение патента на «многонациональное» изобретение обременена рядом дополнительных требований, которые не будут предъявляться в обычных случаях. Эти ограничения или требования можно условно разделить на требование подачи первой заявки в своей стране (стране создания изобретения), получение разрешения (лицензии) на подачу первой заявки на получение патента не в своей стране, проверку на секретность, установление специального срока, который должен истечь после подачи заявки в свое национальное ведомство, прежде чем заявка будет подана в зарубежной стране.

Законы в некоторых странах устанавливают требование подачи первой заявки в национальное патентное ведомство. Таким образом обеспечивается проверка того, не уходят ли из страны разработки, которые могут содержать сведения потенциально секретного характера.

В соответствии с п. 1 ст. 1395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), посвященной особенностям патентования изобретений или полезных моделей в иностранных государствах и в международных организациях, если изобретение или полезная модель созданы в Российской Федерации, то первоначальный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Если в течение шести месяцев со дня подачи заявителя не уведомили о том, что в заявке присутствуют сведения, представляющие собой государственную тайну, он вправе подать заявку в другом государстве или в международную организацию. Этот срок можно сократить, если подать ходатайство о проведении проверки для установления наличия или отсутствия в заявке вышеуказанных сведений. После завершения такой проверки можно подавать заявку за рубежом.

Роспатент также, представляя свои пояснения, объяснил данное положение законодательства тем, что необходимо все заявки на получение патента проверять на предмет наличия информации, которая может относиться к государственной тайне. Помимо этого, существуют ограничения, связанные с секретностью, а также экспортные ограничения, предусмотренные Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне». Заявитель, подающий заявку за рубежом, несет всю ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

В Республике Беларусь заявка на получение патента на изобретение подается в соответствии с положениями п. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2012 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы». Имеют право получить патент, во-первых, автор (соавторы) объекта патентного права, во-вторых, наниматель автора, в случае если речь

идет о созданном служебном изобретении. В-третьих, при создании изобретения по договору на НИОКР право на получение патента будет принадлежать заказчику, если договором не установлено иное. В-четвертых, на практике нередко рассматриваемое право отчуждается другому лицу, которое и становится заявителем. Наконец, возможно получение патента правопреемниками всех вышеназванных лиц.

В ст. 32 данного закона определен порядок патентования в зарубежных странах. Он применяется, если право на получение патента принадлежит физическому лицу с постоянным местом жительства (местом пребывания) на территории Республики Беларусь или юридическому лицу Республики Беларусь. Аналогично правилу, закрепленному в ГК РФ, действует условие подачи заявки первоначально в национальное патентное ведомство. Кроме того, заявитель обязан уведомить последнее о своем намерении получить патент за рубежом. Срок ожидания установлен меньший — три месяца. Сокращение установленного срока также возможно, но в любом случае проверка на наличие сведений, разглашение которых может нанести ущерб безопасности Республики Беларусь, должна быть проведена. Для тех же заявок, которые все-таки не могут быть поданы в зарубежных государствах в силу особых сведений в их содержании, установлен порядок присвоения секретности¹.

В Законе Республики Узбекистан от 29 августа 2002 г. № 397-II «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах» статьей 36 «Патентование объектов промышленной собственности в других государствах» устанавливается, что юридические и физические лица Республики Узбекистан имеют право на патентование объектов промышленной собственности в других государствах в порядке, установленном законодательством. При этом патентование изобретений и полезных моделей, не содержащих государственные секреты, в других государствах может быть осуществлено по истечении трех месяцев со дня подачи соответствующей заявки в Агентство по интеллектуальной собственности Республики Узбекистан.

В ст. 38 Патентного Закона Кыргызской Республики от 14 января 1998 г. № 8 (в ред. Закона от 25 июля 2002 г. № 130) определяется аналогичный порядок патентования объекта промышленной собственности в зарубежных странах. Кыргызпатент может в необходимых случаях разрешить патентование в иностранном государстве ранее трехмесячного срока, если окончена проверка на наличие сведений, составляющих государственную тайну. Установлено особое правило на случай нарушения указанного порядка. Если заявка на патентование подана в другой стране или международной организации без соблюде-

¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 июля 2003 г. № 900 «Об утверждении Положения о секретных изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах» // СПС «КонсультантПлюс».

ния вышеназванных норм, на данный объект промышленной собственности в Кыргызской Республике патент не выдается.

В Патентном законе Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427 не выявлено подобных норм. Однако установлено (ст. 34), что нарушение порядка патентования объекта промышленной собственности в зарубежных странах влечет за собой ответственность в соответствии с законами Республики Казахстан.

В пределах Европы, только в Австрии, Ирландии, Исландии, Латвии, Монако, Сан Марино, Сербии, Словении, Эстонии, Швейцарии, нет в законе положений об обязательной первой национальной заявке на получение патента. В Дании эти положения ограничены технологиями, которые относятся к военным материалам или способам производства таких материалов. Великобритания, Германия и Нидерланды имеют положения, действие которых также ограничивается оборонными технологиями. Нормы законодательства Италии и Франции применяются без ограничений независимо от отрасли знаний.

За пределами Европы требование первой национальной заявки или проверки на секретность существуют в Индии, Китае, Корее и США, при этом в США и Китае есть возможность получить разрешение на подачу заявки сразу за рубежом. Такие требования не предъявляются в Японии, Канаде, Австралии и Мексике.

Критерии для применения этих норм также могут отличаться. Например, в отношении заявителя, действия которого подпадают под вышеприведенные нормы, может устанавливаться в качестве квалифицирующего признака его гражданство и место жительства, является ли он резидентом или нерезидентом, сущность того изобретения, которое планируется запатентовать.

Если, например, обе страны, из которых происходят авторы (заявители на патент) изобретения, имеют требование подачи первой заявки в национальное патентное ведомство, соблюсти его практически невозможно, до тех пор, пока хотя бы одна из стран не введет положение о возможности получения разрешения на подачу иностранной заявки. Даже в этом случае процедура может быть чрезвычайно сложной.

Встречаются положения, которые отчасти позволяют разрешить возникшую коллизию. Например, пунктом 2 ст. 1395 ГК РФ сформулированы правила для патентования в соответствии с Договором о патентной кооперации или Евразийской патентной конвенцией. Разрешается патентование без предварительной подачи соответствующей национальной заявки, если заявка в соответствии с Договором о патентной кооперации (международная заявка) подана в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности как в получающее ведомство. В этом случае Российская Федерация в ней должна быть указана в качестве государства, в котором заявитель желает получить патент. Что касается евразийской заявки, она также должна

подаваться через федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Можно порекомендовать использовать данную норму как вариант решения проблемы.

Таким образом, при попытке коллектива авторов разных юрисдикций получить патенты на одно и то же изобретение в каком-либо из государств существует проблема вероятного нарушения требования национального законодательства о подаче первой заявки в национальное ведомство кем-либо из авторов. При этом отличия в регулировании в национальном законодательстве, как видно, могут варьироваться от страны к стране.

В Резолюции Международной ассоциации по защите интеллектуальной собственности (AIPPI) Q194 «Влияние сообладания правами интеллектуальной собственности на их реализацию» (Сингапур, 2007) было рекомендовано всем странам включить в законодательство об интеллектуальной собственности правила, касающиеся сообладания правами на объекты интеллектуальной собственности, и гармонизировать их с точки зрения международной практики. В то же время эти правила должны быть диспозитивными в той мере, в которой сами субъекты пожелают урегулировать свои отношения специальными соглашениями.

На наш взгляд, существует необходимость в поиске решения данного проблемного вопроса. При этом, конечно, не следует пренебрегать интересами как государственным, так и личными. В том числе возможно создание международного стандарта обоснованных, понятных и практических положений о подаче первой национальной заявки и особом разрешении на подачу заявки на получение патента за рубежом.

Литература

1. Бугаевская Ю.Ю. Особенности правового регулирования отношений заявителей в патентном праве / Ю.Ю. Бугаевская // Вестник Института экономических исследований. 2018. № 3. С. 162–167.
2. Грибиниченко Л.О. Правовой статус сообладателя гражданских прав и/или обязанностей / Л.О. Грибиниченко // Право и политика. 2017. № 6. С. 31–43. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.6.23283.
3. Грудцына Л.Ю. Право научных работников на авторство научных и научно-технических результатов деятельности / Л.Ю. Грудцына // Образование и право. 2013. № 3–4. С. 105–110.
4. Ермолаев С.Н. Доля в имущественном праве и общее обладание имущественными правами: исторический анализ / С.Н. Ермолаев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 7. С. 1–21.
5. Ермолаев С.Н. Сравнительно-правовой анализ института общей собственности и общего обладания интеллектуальной собственностью / С.Н. Ермолаев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского госу-

дарственного аграрного университета. 2013. № 8. С. 630–641.

6. Цимбал В.А. Обеспечение законных интересов авторов результатов интеллектуальной деятельности: Информационно-правовой аспект / В.А. Цимбал, В.А. Кривоногов // Правовая информатика. 2019. № 3. С. 41–49. DOI: 10.21681/1994-1404-2019-3-41-49.

7. Крупко С.И. Правовой режим совместного обладания исключительным правом на изобретение: Актуальные проблемы в свете применения части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации / С.И. Крупко // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. С. 31–43. DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10124.

8. Лиджеева К.В. Правовое положение автора как субъекта интеллектуальных прав / К.В. Лиджеева, Б.Б. Насунова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 88–91.

9. Пермяков А.В. Состояния в праве интеллектуальной собственности / А.В. Пермяков // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3. С. 42–49.

10. Сидоркин С.С. Отдельные проблемы субъектного состава в «Интеллектуальных правоотношениях» / С.С. Сидоркин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 1. С. 98–101.

11. Циркунова Е. Управление совместной интеллектуальной собственностью / Е. Циркунова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 3. С. 21–24.

References

1. Bugaevskaya Yu.Yu. Osobennosti pravovogo regulirovaniya otnosheniy zayaviteley v patentnom prave [Peculiarities of the Legal Regulation of Relations between Applicants in Patent Law] / Yu.Yu. Bugaevskaya // Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy — Bulletin of the Economic Research Institute. 2018. № 3. S. 162–167.

2. Gribinichenko L.O. Pravovoy status so-obladatelya grazhdanskikh prav i/ili obyazannostey [The Legal Status of a Co-Holder of Civil Rights and/or Obligations] / L.O. Gribinichenko // Pravo i politika — Law and Politics. 2017. № 6. S. 31–43. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.6.23283.

3. Grudtsyna L.Yu. Pravo nauchny'kh rabotnikov na avtorstvo nauchny'kh i nauchno-tekhnicheskikh rezultatov deyatel'nosti [The Right of Research Scientists to Authorship of Scientific, Research and Development Deliverables] / L.Yu. Grudtsyna // Obrazovanie i pravo — Education and Law. 2013. № 3–4. S. 105–110.

4. Ermolaev S.N. Dolya v imuschestvennom prave i obscheye obladanie imuschestvenny'mi pravami: istoricheskiy analiz [A Share in the Property Right and General Ownership of Property Rights: A Historical

Analysis] / S.N. Ermolaev // Politematicheskiy setevoy elektronny'y nauchny'y zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Multitopic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2013. № 7. S. 1–21.

5. Ermolaev S.N. Sravnitel'no-pravovoy analiz instituta obschey sobstvennosti i obschego obladaniya intellektualnoy sobstvennostyu [A Comparative Legal Analysis of the Institution of Common Property and Co-Ownership of Intellectual Property] / S.N. Ermolaev // Politematicheskiy setevoy elektronny'y nauchny'y zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Multitopic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2013. № 8. S. 630–641.

6. Tsimbal V.A. Obespechenie zakonny'kh interesov avtorov rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti: Informatsionno-pravovoy aspekt [Protection of Legal Interests of Authors of Intellectual Deliverables: An Information Legal Aspect] / V.A. Tsimbal, V.A. Krivonogov // Pravovaya informatika — Legal Informatics. 2019. № 3. S. 41–49. DOI: 10.21681/1994-1404-2019-3-41-49.

7. Krupko S.I. Pravovoy rezhim sovmestnogo obladaniya iskl'yuchitelny'm pravom na izobrenenie: Aktualny'e problemy' v svete primeneniya chasti 4 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The Legal Regime of Co-Ownership of the Exclusive Right to an Invention: Relevant Problems in View of the Application of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation] / S.I. Krupko // Imuschestvenny'e otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii — Property Relations in the Russian Federation. 2018. S. 31–43. DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10124.

8. Lidzheeva K.V. Pravovoe polozhenie avtora kak subyekta intellektualny'kh prav [The Legal Position of an Author as a Subject of Intellectual Rights] / K.V. Lidzheeva, B.B. Nasunova // Vestnik Kalmy'tskogo instituta gumanitarny'kh issledovaniy RAN — Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences. 2011. № 2. S. 88–91.

9. Permyakov A.V. Sostoyaniya v prave intellektualnoy sobstvennosti [Status in Intellectual Property Law] / A.V. Permyakov // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika — Legal Science and Law Enforcement Practice. 2013. № 3. S. 42–49.

10. Sidorkin S.S. Otdelny'e problemy' subyektnogo sostava v «Intellektualny'kh pravootnosheniyakh» [Some Problems of Parties to Intellectual Legal Relations] / S.S. Sidorkin // Probely' v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal — Gaps in Russian Laws. Legal journal. 2012. № 1. S. 98–101.

11. Tsirkunova E. Upravlenie sovmestnoy intellektualnoy sobstvennostyu [Management of Common Intellectual Property] / E. Tsirkunova // Imuschestvenny'e otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii — Property Relations in the Russian Federation. 2014. № 3. S. 21–24.

DOI: 10.18572/2072-4322-2021-4-21-26

Проблемы и подходы к оценке патентоспособности ИТ-изобретений в России и за рубежом*

Зайцев Ю. С. **

Актуальность. В настоящее время не возникает сомнения в том, что компьютерные решения, предполагающие использование программного обеспечения, могут пользоваться патентной охраной, однако экспертиза таких изобретений сталкивается со значительными трудностями. В некоторых областях, таких как разведочная геофизика, прогресс почти полностью состоит в новых методах компьютерной обработки данных.

Результаты. Исследованы подходы к оценке патентоспособности компьютерных решений, отраженные в национальных и региональных нормативных и методических документах в области охраны изобретений, а также тенденции правоприменительной практики патентных ведомств России, США, Японии и Европейского патентного ведомства. Рассмотрены положительные стороны и недостатки каждого из подходов.

Методология: исследование проводилось с использованием общенаучных методов системного анализа, включая методы сопоставительного и сравнительного анализа национальных и международных правовых актов в области охраны изобретений и правоприменительной практики. **Дискуссия.** Основным вопросом является принцип разграничения решения с использованием непатентоспособных объектов и номинальным упоминанием компьютера от потенциально патентоспособных объектов, реализованных на ЭВМ.

Ключевые слова: принципиальная патентоспособность, патент, сравнительное исследование, компьютерная программа, изобретение, субкритерии патентоспособности, «смешанные» изобретения, технические признаки, нетехнические признаки, ИТ-решения, методология оценки принципиальной патентоспособности, технический результат.

Relevancy. Presently, there is no doubt that computing solutions stipulating the use of software can be protected by a patent, but considerable difficulties are encountered in the expert examination of such inventions. Progress in such areas as exploration geophysics mostly consists in new computer data processing methods.

Results. The author reviews approaches to the evaluation of patentability of computing solutions reflected in national and regional regulatory and methodological documents on invention protection and the tendencies of the law enforcement practice of patent offices of Russia, USA, Japan and the European Patent Authorities. Advantages and shortcomings of each of the approaches are studied. **Methods:** the research is carried out with the use of general scientific methods of systemic analysis including methods of contrastive and comparative analysis of national and international legal acts on inventions protection and the law enforcement practice.

Discussion. The main issue is the principle of demarcation of a solution with the use of non-patentable objects and nominal reference to computer from potentially patentable objects made with the use of a computer.***

Keywords: principal patentability, patent, comparative study, software, invention, patentability subcriteria, mixed inventions, technical attributes, non-technical attributes, IT solutions, methodology of evaluation of principal patentability, technical result.

В 1975 г. Государственный Комитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий утвердил разъяснение «О признании изобретениями объектов вычислительной техники, характеризующихся математическим обеспечением ЭВМ»¹. В этом документе содержалось всего два практических примера: цифровая экстраполяционная интегрирующая машина, характеризовавшаяся блоками, выполняющими определенные

математические операции, и способ записи информации в запоминающее устройство, характеризующийся перемагничиванием сердечников пропускаемыми импульсами тока.

С тех пор получили развитие программы искусственного интеллекта, активно развиваются направления компьютерного моделирования, но в Руководстве по экспертизе изобретений² опять

¹ Разъяснение Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий от 13 ноября 1975 г. № 4 «О признании изобретениями объектов вычислительной техники, характеризующихся математическим обеспечением ЭВМ» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1976. № 6.

² Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации изобретения и выдаче патента на изобретение, его дубликата : утв. приказом Роспатента от 27 декабря 2018 г. № 236. URL: <https://fips.ru/to-applicants/inventions/ruc-iz.pdf>

* Статья подготовлена на основе научных исследований по теме 5-ПО-2020 «Проблемы практики применения законодательства в области предоставления правовой охраны изобретениям и полезным моделям, относящимся к компьютерным решениям» в соответствии с Тематическим планом научно-исследовательских работ, выполняемых в рамках утвержденного государственного задания подведомственными учреждениями Роспатента, на 2020–2022 гг.

** **Зайцев Юрий Станиславович**, заместитель начальника Службы качества ФИПС. Электронный адрес: yuzaytsev@rupto.ru
Рецензент: Зенин Иван Александрович, главный редактор, заведующий научно-исследовательским отделом правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИС, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

*** **Problems of and Approaches to the Evaluation of Patentability of IT Inventions in Russia and Abroad**
Yury S. Zaytsev, Deputy Head of the Quality Service of the FIPS.

Reviewed by: Ivan A. Zenin, Editor in Chief, Head of the Research Department of Legal Protection of Intellectual Property of the RNIIS, Honored Professor of the Lomonosov MSU, LL.D., Professor.

присутствуют только два примера (другие, конечно) на изобретения, реализуемые с помощью компьютера, что при всем многообразии таких изобретений не дает ясного понимания, как же их охранять патентом на изобретение и оценивать их патентоспособность.

Обмен на различных встречах мнениями о применимом подходе к оценке патентоспособности изобретений, относящихся к компьютерным технологиям, показывает, что у разработчиков, патентоведов, специалистов ФИПС и Роспатента часто не совпадают мнения о методологии подхода к проверке патентоспособности современных компьютерных решений, что обусловлено недостаточной проработанностью вопросов, связанных с технической природой новых решений, предполагающих использование цифровых моделей, искусственного интеллекта, Интернета-вещей и т.п., как объектов патентного права.

Компьютерные решения, заявляемые в качестве изобретений, можно условно разбить на два типа: (а) новые решения, улучшающие компьютер как таковой; и (б) новые решения, использующие компьютеры для выполнения какой-то конкретной функции. До того, как микропроцессоры и компьютеры получили широкое распространение, часто при создании нового электронного устройства изобретателю приходилось решать проблему изменения конструкции известного средства под конкретную задачу, проблему изменения возникающих при работе устройства электрических сигналов, их формы. Те же задачи должны были решаться при разработке нового способа как процесса, который будет осуществляться новым устройством.

С развитием средств цифровой техники при совершенствовании технологии, не относящейся непосредственно к компьютерной технике, а использующей ее, у изобретателя пропала необходимость решать перечисленные выше проблемы. Теперь изобретатель «работает» не с самим электрическим сигналом, а с информацией, которую несет целый набор дискретных сигналов и обработка которой возложена на микропроцессор, работающий по определенной программе. Наступившая эпоха компьютеризации стала основываться на программном обеспечении [1, с. 16].

При этом изобретатель не всегда может объяснить, какое изменение какого конкретного сигнала привело к решению технической проблемы. Техническое творчество переместилось на более высокий уровень — на уровень оперирования данными. Например, повышение четкости изображения границ внутренних органов повышается за счет новой алгоритмической обработки полученных данных сканирования. Можно сказать, что большая часть современных компьютерных решений имеет известное аппаратное обеспечение, а отличие их от других известных решений заключается только в том, какая именно информация закодирована в сигналах, которые обраба-

тываются с использованием функций программного обеспечения [2, с. 26].

Эти функции, взятые сами по себе без учета реализующих их средств, могут быть действиями, характерными как для решений, исключенных из патентной охраны (математические методы, правила и методы игр, интеллектуальной или хозяйственной деятельности и др.), так и для принципиально патентоспособных технических решений.

Ведущие патентные ведомства мира предпринимают меры, направленные на разграничение решений, которые не исключены из патентной охраны, и решений, которые за счет упоминания в формуле изобретения технических средств только выглядят патентоспособными. Для решений, использующих компьютерные средства, эта задача особенно актуальна вследствие их прочного закрепления практически в любой отрасли. Кроме того, взрывной качественный рост технологий, относящихся к искусственному интеллекту (машинного обучения, искусственных нейронных сетей и др.), и применения их для решения самого широкого круга задач ведет к тому, что технологии искусственного интеллекта постепенно начинают занимать такое же место, что и «обычные» компьютерные технологии, перестают быть каким-либо особым вкладом в уровень техники, придающим «изобретательский» характер любому заявленному решению, в которых они использованы.

Ранее уже проводились сравнительные исследования подходов ведущих патентных ведомств мира к определению патентоспособности изобретений, реализуемых с помощью компьютера [3–7], но такие исследования, как правило, не учитывали правоприменительную практику ведомств и, вследствие бурного роста информационных технологий и появления новых объектов, быстро устаревали.

Российское законодательство (в отличие от законодательств многих развитых стран, например США, и международных договоров, например Европейской патентной конвенции³) содержит определение изобретения: «техническое решение в любой области, относящееся к продукту ... или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств)» (п. 5 ст. 1350 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴).

Для определения принципиальной патентоспособности заявленного изобретения, т.е. отнесения заявленного решения собственно к изобретениям, в российской методологии ис-

³ Конвенция по выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 5 октября 1973 года, пересмотренная 17 декабря 1991 года актом пересмотра статьи 63 ЕПК и актом пересмотра от 29 ноября 2000 года. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ с изменениями и дополнениями на 11 июня 2021 г. : введ. в действие 22 июня 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

пользуются три субкритерия, которые можно отнести к «негативным»: заявленное изобретение признается относящимся к объектам, не являющимся изобретениями, если родовое понятие относит заявленное решение к таким объектам, или все признаки заявленного решения являются признаками такого объекта, или признаками заявленного решения достигается только нетехнический результат (см. п. 49 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы⁵). Для признания заявленного решения не относящимся к изобретениям достаточно, чтобы оно удовлетворяло хотя бы одному субкритерию. Дополнительными субкритериями, принимаемыми во внимание при оценке принципиальной патентоспособности компьютерных решений, можно считать перечень результатов, не считающихся техническими, приведенный в п. 36 Требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение⁶.

Можно сказать, что в российском подходе к оценке принципиальной патентоспособности изобретений фактически используется следующая концепция: должен быть определен процесс осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств, который приводит к получению технического результата.

В части компьютерных решений в российской практике принято относить к материальным объектам электрические сигналы, действия над которыми осуществляются с помощью аппаратных компонентов компьютера. Однако вследствие отсутствия в формуле изобретения непосредственно признаков действий над сигналами (изобретатель уже «не работает» с сигналами, см. выше) оказывается сложно отделить принципиально патентоспособное компьютерное решение от непатентоспособных математических методов, методов интеллектуальной или хозяйственной деятельности. При рассмотрении заявленного изобретения, охарактеризованного только этапами программной обработки данных, складывается впечатление отсутствия каких-либо действий над материальным объектом, несмотря на разъяснения специалистов, что обработка информации компьютером есть не что иное, как обработка сигналов [8, с. 16].

Сравнение российского подхода к оценке патентоспособности компьютерных решений с подходами патентных ведомств США, Японии и Европейского патентного ведомства (ЕПВ) пока-

зывает, что значимым отличием нормативного и методического регулирования оценки патентоспособности изобретений в разных юрисдикциях является отношение к объектам, характеризующимся как признаками однозначно технических средств, так и признаками объектов, не признаваемых изобретениями, или, говоря иначе, к «смешанным» изобретениям.

В исследованных подходах зарубежных ведомств к оценке патентоспособности компьютерных решений можно выделить два «полюса».

В первом случае (США и Япония) вся тяжесть отграничения решений, заключающихся в использовании широко известных компьютерных средств для осуществления непатентоспособных идей, приходится на этап оценки принципиальной патентоспособности. Если заявленное решение преодолевает этот барьер, то далее при оценке новизны и изобретательского уровня принимаются во внимание все признаки формулы, как характеризующие несомненно технические средства, так и характерные для объектов, исключенных из патентной охраны.

Для определения того, что включенные в формулу признаки, помимо признаков объектов, которые исключены из охраны, не являются просто попыткой заявителя обойти запрет на патентование абстрактных идей и природных объектов и явлений, применяется ряд субкритериев.

Так, в США является недопустимым простое указание в формуле изобретения на осуществление абстрактной идеи на компьютере или просто использование компьютера в качестве инструмента для осуществления абстрактной идеи; добавление незначительной деятельности к решению, исключенному из числа патентоспособных; простое указание области использования или технологической среды, в которой применяется решение, исключенное из числа патентоспособных (Manual of Patent Examining Procedure (MPEP), § 2106.05⁷).

Согласно практике патентного ведомства США, «добавлением незначительной деятельности к решению, исключенному из числа патентоспособных», считается сбор данных, которые в дальнейшем обрабатываются с использованием математического метода, реализованного программным способом на компьютере, особенно когда такой сбор является общепринятым.

Если признаки заявленного объекта не позволяют сделать вывод о достаточном ограничении объема охраны, то, в соответствии с американским подходом, остается еще один шанс на признание заявленного решения принципиально патентоспособным, последний субкритерий — если дополнительные признаки характеризуют не «хорошо понятную, рутинную, обычную деятельность» (MPEP § 2106.05(d)). Как следует из принимаемых патентным ведомством США решений, соответствие этому субкритерию означает, что

⁵ Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений, и их формы : утв. приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316, зарег. 11 июля 2016 г., рег. № 42800.

⁶ Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение утверждены приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 г. № 316, зарег. 11 июля 2016 г., рег. № 42800.

⁷ Manual of Patent Examining Procedure, Ninth Edition, Revision 10.2019, Last Revised June 2020. URL: <https://www.uspto.gov/web/offices/pac/mpep/index.html>

такие признаки ведут к получению неочевидного технического результата (хотя само понятие «технического результата» не используется в практике ведомства).

При таком подходе на этапе оценки принципиальной патентоспособности приходится учитывать сведения из уровня техники, но не в полном объеме, а только широко известные технические средства и выраженные на высоком уровне обобщения. Получившие развитие технические средства, которые ранее не были широко распространены, например, компьютерная и микропроцессорная техника, со временем начинают учитываться как известные. То есть оценка принципиальной патентоспособности будет меняться со временем, и те средства, которые получили широкое распространение во всех сферах деятельности человека, потребуют их отражения как минимум в методических документах — руководствах, рекомендациях и т.п.

Кроме того, граница между широкой известностью, для подтверждения которой не требуется проведение информационного поиска, и простой известностью компьютерного средства, для подтверждения которой необходим поиск, достаточно размыта. Отсюда вытекает еще один недостаток такого подхода: при нем, как правило, не предусматривается проведение информационного поиска до получения вывода о принципиальной патентоспособности заявленного решения, что при отрицательном выводе лишает заявителя адекватной информации об уровне техники.

Поскольку подход патентного ведомства США базируется на решениях, принимаемых Апелляционным судом по Федеральному округу и Верховным судом США, то американская практика оценки принципиальной патентоспособности заявленного решения может кардинально поменяться в связи с принятием даже одного судебного решения.

Так, в 2016 г. суд рассматривал дело *Electric Power Group v. Alstom, S.A.* (Fed. Cir. 2016). Три оспариваемых патента касались обнаружения и анализа событий в электросети в режиме реального времени. Суд отнес к принципиально непатентоспособным абстрактным идеям даже не математический метод, не закон природы или природное явление, а «процесс сбора и анализа информации определенного содержания с последующим отображением результатов». Как было указано в решении суда, «ничто в формуле изобретения, понятное в свете описания, не требует чего-либо, кроме готовых традиционных компьютерных, сетевых и дисплейных технологий для сбора, передачи и представления желаемой информации. Это справедливо даже в отношении признака формулы «одновременного отображения» двух или более типов информации... даже если предполагается, что требуется отображение с синхронизацией по времени: ничто в патенте не содержит никаких предположений о том, что дисплеи, необходимые для этой цели, не являются легкодоступными».

Данное решение оказало сильное влияние на практику патентного ведомства США. С 2016 г. значительно выросло число отказов в выдаче патента на решения, касающиеся сбора и обработки измерительной информации, например, данных геологической съемки.

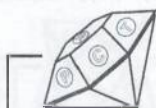
Для чего же нужен столь жесткий подход? Ответ заключается, по-видимому, в том, что после отнесения заявленного решения собственно к изобретениям производится оценка новизны и изобретательского уровня (неочевидности) заявленного изобретения, при которой принимаются во внимание все признаки, включенные заявителем в формулу, в том числе и характеризующие решения, не являющиеся изобретениями. То есть необходимо уже на этапе определения принципиальной патентоспособности убедиться, что формула изобретения не является «просто результатом искусства составления формулы, направленным на монополизацию прав на решение, исключенное из патентной охраны» (MPEP § 2106.04(d)).

Суммируя, можно сказать, что в США для отграничения принципиально патентоспособных изобретений от непатентоспособных решений, которым придана видимость патентоспособных, используются достаточно жесткие субкритерии, основанные на исключении из рассмотрения широко известных в технике приемов. В этих условиях большая роль отводится умению заявителя убедить ведомство в достигаемом изобретением улучшении технологии. Данный подход представляется слишком субъективным.

В подходе патентного ведомства Японии к оценке принципиальной патентоспособности компьютерных решений можно выделить три субкритерия. Во-первых, изобретением являются те решения, которые осуществляют управление каким-либо устройством или обработку данных, связанную с таким управлением. Во-вторых, изобретениями могут быть признаны те решения, которые выполняют обработку информации на основе технических свойств: физических, химических или биологических свойств объекта.

В-третьих, решение, связанное с программным обеспечением, является изобретением, когда «обработка информации программным обеспечением конкретно реализуется с использованием аппаратных ресурсов» (Справочник по экспертизе изобретений и полезных моделей в Японии⁸, Приложение В, Глава 1, 2.1.1.2). Это означает, что для решений, связанных с программным обеспечением, требуется раскрытие изобретения в формуле с достаточной степенью детализации. Этапы обработки информации в формуле изобретения должны быть описаны достаточно подробно, чтобы показать не только что делают с информацией, но и как это делают посредством взаимодействия программного

⁸ Examination Handbook for Patent and Utility Model in Japan, Annex B Chapter 1, 2.1.1.2. URL: https://www.jpo.go.jp/e/system/laws/rule/guideline/patent/handbook_shinsa/index.html

и аппаратного обеспечения. При этом недостаточно просто перечислить компьютерные компоненты; из формулы должно быть ясно, что аппаратное обеспечение и программное обеспечение работают вместе [9, с. viii].

Согласно описанному в Справочнике по экспертизе изобретений и полезных моделей в Японии подходу, основной акцент при рассмотрении изобретений, связанных с использованием программных решений, делается на степень детализации изобретения в формуле.

По мнению некоторых исследователей, подход, применяемый Японским патентным ведомством, позволяет обеспечить более конкретное и недвусмысленное рассмотрение формулы заявленного изобретения, связанного с программным обеспечением [10, с. 4]. С другой стороны, определить достаточную степень детализации изобретения в формуле оказывается непросто даже с учетом приведенных в упомянутом Справочнике примеров.

Другим возможным слабым местом при применении японского подхода является потенциальная возможность снижения надежности выдаваемых патентов, связанная с тем, что, так же как и в США, признаки объектов, которые как таковые не являются изобретениями, учитываются при оценке новизны и изобретательского уровня наряду с традиционными техническими признаками.

Во втором случае (ЕПВ) отграничение решений, заключающихся в использовании широко известных компьютерных средств для осуществления непатентоспособных идей, происходит на этапе оценки изобретательского уровня изобретения. Вопрос принципиальной патентоспособности, т.е. отнесения заявленного решения собственно к изобретениям, при этом решается просто наличием в характеристике заявленного решения в формуле изобретения хотя бы одного технического средства или тем, что использование изобретения в том виде, как оно охарактеризовано в формуле изобретения, однозначно требует использования технического средства.

Предотвращение выдачи патента на решение, которое по сути представляет собой объект, исключенный из числа изобретений, но использующий широко известные компьютерные средства, обеспечивается тем, что признаки объекта, не являющегося изобретением, фактически игнорируются при оценке изобретательского уровня⁹,

⁹ Формально признаки, не придающие изобретению технический характер, т.е. признаки объектов, которые как таковые не являются изобретениями, не исключаются из рассмотрения. Они включаются в формулировку объективной технической проблемы, которую должен был бы решить специалист, чтобы перейти от решения, известного из уровня техники, к заявленному изобретению. Как следствие, очевидность таких признаков вытекает из формулировки проблемы; тем самым они не придают изобретательский уровень изобретению, что эквивалентно их игнорированию при оценке изобретательского уровня.

а использование ранее известных компьютерных средств без их изменения выявляется в процессе информационного поиска и не может обеспечить изобретательский уровень заявленного изобретения.

Если в первом случае для признания «смешанного» решения, т.е. решения, характеризующегося как условно «техническими», так и «нетехническими» признаками, принципиально непатентоспособным необходимо, чтобы «технические» признаки были широко известными, то во втором случае достаточно, чтобы технические признаки были просто известными из уровня техники. Потому некоторые специалисты называют подход ЕПВ более жестким, чем подход ведомств США и Японии.

С другой стороны, подход ЕПВ более детерминированный, не требующий оценки «широты» известности средств и также «широты» использованной степени обобщения признаков.

Иллюстрируя изменение подходов ЕПВ к оценке патентоспособности ИТ-решений, следует отметить принятое в 2021 г. решение Расширенной Палаты апелляций G 1/19 от 10 марта 2021 г. Основой для рассмотрения стала заявка, относившаяся к моделированию движений пешехода в окружающей среде. Моделирование движения отдельного пешехода предполагалось как часть моделирования движения толпы в здании для проверки, соответствует ли конструкция здания, например, стадиона или железнодорожного вокзала, определенным требованиям на случай эвакуации людей.

Рассмотрев дело, Расширенная Палата пришла к выводу, что компьютерное моделирование технической системы или процесса, заявленное как таковое, может решить техническую проблему (при оценке изобретательского уровня) путем получения технического результата, выходящего за рамки реализации моделирования на компьютере. При этом Расширенная Палата отметила, что для оценки того, решает ли компьютерное моделирование, заявленное как таковое, техническую проблему, недостаточно того, что моделирование полностью или частично основано на технических принципах, лежащих в основе моделируемой системы или процесса.

Этот вывод Расширенной Палаты меняет подход, закрепленный в п. G-II, 3.3.2 Руководства по экспертизе в Европейском патентном ведомстве¹⁰, согласно которому компьютерное моделирование поведения технических элементов или конкретных технических процессов в технически значимых условиях квалифицируется как техническая цель, т.е. является техническим решением.

Подводя итог, можно сказать, что ИТ-решения, характеризующиеся «смешанными» признаками, во всех исследованных юрисдикциях по-прежнему являются «серой зоной» вследствие

¹⁰ Guidelines for Examination in the European Patent Office. URL: <https://www.epo.org/law-practice/legal-texts/guidelines.html>

быстрого развития новых технологий. Ведущие зарубежные патентные ведомства, так же как и Роспатент, находятся в поиске действенных подходов к оценке патентоспособности ИТ-решений. Практика ведомств постоянно меняется вслед за развитием новых информационных технологий.

Патентное ведомство США пошло по пути наложения дополнительных ограничений на изобретения, использующие решения, не являющиеся изобретениями.

Патентное ведомство Японии также стремится сузить объем охраны изобретений, использующих программные решения, требуя более детальной характеристики в формуле изобретения.

Для российской практики наиболее интересен опыт ЕПВ, имеющего наиболее системный подход к оценке патентоспособности изобретений, который пришлось несколько скорректировать с учетом развития информационных технологий, хотя некоторые патентоведы высказывают недовольство практикой ЕПВ разделять признаки изобретения на этапе оценки изобретательского уровня на технические и нетехнические признаки.

Однако насколько бы четко и системно ни были определены подходы к оценке патентоспособности ИТ-решений, наилучшему их пониманию будет способствовать разработка примеров их применения, наиболее приближенных к современному уровню техники.

Литература

1. Ревинский О.В. Правовые аспекты отграничения охраноспособных решений в области компьютерных технологий : диссертация кандидата юридических наук / О.В. Ревинский. Москва, 2000. 144 с.
2. Снегов К.Г. Машиночитаемые носители информации: изобретения или не совсем? / К.Г. Снегов // Патентный поверенный. 2017. № 2. С. 22–27.
3. Zhou, J. A Study of Patentability of Computer Software-Related Inventions — Practice in U.S., Europe and Japan and Outlook for China / J. Zhou // IIP Bulletin. 2006. P. 130–138.
4. Романова Н.В. Патент на компьютерную программу: миф или реальность? / Н.В. Романова // Патентный поверенный. 2013. № 4. С. 33–41.
5. Крысанова О.Б. Правовая охрана информационных технологий в России и за рубежом / О.Б. Крысанова // Патентный поверенный. 2014. № 1. С. 27–37.
6. Yoshida, E.A Comparative Law Study on the Patent Eligibility-Focus on the Method Invention / E.A.Yoshida // IIP Bulletin. 2015. Vol. 24. P. 108–116.
7. Кравченко А.А. Охрана графических пользовательских интерфейсов в качестве изобретений и полезных моделей / А.А. Кравченко // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2015. № 7. С. 35–44.

8. Ревинский О.В. Относится ли компьютерная обработка данных к техническим решениям? / О.В. Ревинский // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2007. № 1. С. 14а–21.

9. Dragoni, J.M. Comparative Patent Eligibility with a Focus on Software / J.M. Dragoni. URL: https://www.iip.or.jp/e/summary/pdf/detail2016/e28_04.pdf

10. Honkasalo, P.J.A. Computer-Implemented Inventions as Patentable Subject Matter / P.J.A. Honkasalo // IIP Bulletin. 2012. Vol. 21. P. 1–7.

References

1. Revinsky O.V. Pravovy'e aspekty` otgraniicheniya okhranosposobny'kh resheniy v oblasti kompyuterny'kh tekhnologiy : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Legal Aspects of Demarcation of Protectable Solutions in the Computer Technology Sphere : thesis of PhD (Law)] / O.V. Revinsky. Moskva — Moscow, 2000. 144 s.
2. Snegov K.G. Mashinochitaemy'e nositeli informatsii: izobreteniya ili ne sovsem? [Machine-Readable Information Storage Media: Inventions or Not?] / K.G. Snegov // Patentny'y poverenny'y — Patent Attorney. 2017. № 2. S. 22–27.
3. Zhou J. A Study of Patentability of Computer Software-Related Inventions — Practice in U.S., Europe and Japan and Outlook for China / J. Zhou // IIP Bulletin. 2006. S. 130–138.
4. Romanova N.V. Patent na kompyuternuyu programmu: mif ili realnost? [Software Patent: A Myth or Reality?] / N.V. Romanova // Patentny'y poverenny'y — Patent Attorney. 2013. № 4. S. 33–41.
5. Krysanova O.B. Pravovaya okhrana informatsionny'kh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom [Legal Protection of Information Technology in Russia and Abroad] / O.B. Krysanova // Patentny'y poverenny'y — Patent Attorney. 2014. № 1. S. 27–37.
6. Yoshida E.A Comparative Law Study on the Patent Eligibility-Focus on the Method Invention / E.A.Yoshida // IIP Bulletin. 2015. Vol. 24. S. 108–116.
7. Kravchenko A.A. Okhrana graficheskikh polzovatel'skikh interfeystov v kachestve izobreteniy i polezny'kh modeley [Protection of Graphical User Interfaces as Inventions and Utility Models] / A.A. Kravchenko // Patentny' i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2015. № 7. S. 35–44.
8. Revinsky O.V. Otnositsya li kompyuternaya obrabotka danny'kh k tekhnicheskim resheniyam? [Is Computer Data Processing Related to Engineering Solutions?] / O.V. Revinsky // Patentny' i litsenzii. Intellektualny'e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2007. № 1. S. 14a–21.
9. Dragoni J.M. Comparative Patent Eligibility with a Focus on Software / J.M. Dragoni. URL: https://www.iip.or.jp/e/summary/pdf/detail2016/e28_04.pdf
10. Honkasalo P.J.A. Computer-Implemented Inventions as Patentable Subject Matter / P.J.A. Honkasalo // IIP Bulletin. 2012. Vol. 21. S. 1–7.

DOI: 10.18572/2072-4322-2021-4-27-31

Проблемы таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности

Худжатов М.Б.*

Актуальность. В статье рассмотрены актуальные проблемы таможенного контроля в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Приведены конкретные примеры, иллюстрирующие, что на различных этапах таможенного оформления товаров и в рамках различных таможенных процедур существуют особенности проведения таможенного контроля в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, учет которых является обязательным условием соблюдения прав на объекты интеллектуальной собственности (далее — ОИС).

Методология: основу исследования составляют системный анализ, общенаучные методы познания — анализ и синтез, диалектический метод, систематизация и классификация, процессный и системный подходы, а также метод сравнения.

Результаты. При перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) под товарным знаком неделимого товара, составные части которого имеют другие товарные знаки, таможенными органами должны приниматься меры по защите прав на ОИС только в отношении данного товара, а не его составных частей или комплектующих. Несмотря на функционирование таможенного союза в рамках ЕАЭС и отмену таможенного контроля между странами — участниками ЕАЭС, при ввозе на территорию Российской Федерации (далее — РФ) из других стран ЕАЭС товаров, которые ранее были ввезены на территорию одной из стран ЕАЭС, российский таможенный орган вправе проводить таможенный контроль в целях защиты прав на ОИС. Наконец, российские экспортеры при осуществлении внешнеэкономической деятельности должны учитывать тот факт, что таможенные органы РФ обязаны принимать меры по защите прав на ОИС не только при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, но и при вывозе товаров за пределы таможенной территории ЕАЭС.

Дискуссия. Помимо изложенных в статье проблем существуют и другие проблемные аспекты перемещения товаров, содержащих ОИС, через таможенную границу ЕАЭС, например, проблемы учета лицензионных платежей при формировании таможенной стоимости иностранных товаров. Эти и другие проблемы таможенного контроля товаров, содержащих ОИС, являются предметом будущих дискуссий.

Ключевые слова: таможенный контроль, ФТС России, таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, товарные знаки, таможенное декларирование, приостановление выпуска товаров, таможенные услуги, контрафакт, таможенная защита.

Relevancy. The article reviews relevant issues of customs control of goods containing intellectual property. The author gives specific examples illustrating that various stages of customs clearance of goods and various customs procedures stipulate specifics of customs control of goods containing intellectual property as recording of such goods is an obligatory condition of observance of rights to intellectual property items (IP items).

Methods: the research is based on systemic analysis, general scientific methods of cognition, namely, the analysis and synthesis, dialectic method, systematization and classification, process and systemic approaches and comparison method.

Results. If an indivisible product having a trademark is transferred across the customs border of the EAEU and the components of such product have other trademarks, customs authorities should take measures to protect the IP rights only in respect of such product as a whole rather than its components or constituent parts. The Russian customs authority may perform customs control for the purposes of protection of the IP rights in the course of import to the Russian Federation of goods from other EAEU member states that have been previously imported to one of the EAEU member states irrespective of the functioning of the customs union within the EAEU and abolition of customs control between the EAEU member states. Finally, Russian exporters engaged in foreign economic activities should take into account the fact that customs authorities of the Russian Federation are obliged to take measures to protect the IP rights not only in the import of goods to the customs territory of the EAEU but also in the export of goods outside the customs territory of the EAEU.

Discussion. In addition to the problems covered by the article, other challenging aspects of transfer of goods containing IP items across the customs border of the EAEU exist, such as the problems of license fee payment registration at the determination of the customs value of foreign goods. These problems of customs control of goods containing IP items and some other problems are a subject of future discussions.**

Keywords: customs control, the Federal Customs Service of Russia, customs register of intellectual property items, trademarks, customs declaration, suspension of release of goods, customs services, counterfeit, customs protection.

* Худжатов Михаил Бекзадаевич, доцент кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов, кандидат экономических наук. Электронный адрес: mikailkhudzhatov@mail.ru

Рецензент: Сорокин Алексей Михайлович, ответственный секретарь журнала «Право интеллектуальной собственности», ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИИС, доцент кафедры таможенного дела юридического института РУДН, кандидат экономических наук.

** Problems of customs control of goods containing intellectual property objects

Mikhail B. Khudzhatov, Associate Professor of the Department of Customs of the Peoples' Friendship University of Russia, PhD (Economics).

Reviewed by: Aleksey M. Sorokin, Executive Secretary of the Intellectual Property Law Journal, Leading Research Scientist of the Research Department of Legal Protection of Intellectual Property of the RNIIS, Associate Professor of the Department of Customs of the Law Institute of the PFUR, PhD (Economics).

Таможенные органы РФ призваны обеспечивать экономическую безопасность страны. Одним из важнейших направлений деятельности таможенных органов РФ является защита прав на объекты интеллектуальной собственности, а также проведение таможенного контроля в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности (ОИС).

Согласно Договору о ЕАЭС, государства-члены осуществляют сотрудничество в сфере интеллектуальной собственности для решения двух основных задач: 1) гармонизация законодательства в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и 2) защита интересов обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности. Через 6 лет после создания ЕАЭС национальное законодательство государств — членов ЕАЭС в отношении информации и интеллектуальной собственности, контрафакта и противодействия ему, в том числе посредством таможенной защиты, содержит принципиальные различия как по отношению их к объектам гражданских прав, так и в отношении их гражданско-правового оборота, что входит в противоречие с реальными интересами национальных экономик и бизнес-сообществ и заявленными целями и приоритетами интеграции в рамках цифровой повестки дня. Остаются нерешенными вопросы таможенной защиты интеллектуальной собственности и переход на единые принципы исчерпания исключительного права при перемещении товаров с использованием объектов авторского права, смежных прав и средств индивидуализации в рамках единой таможенной границы ЕАЭС [1].

В соответствии с положениями таможенного законодательства ЕАЭС и законодательства РФ в сфере таможенного регулирования таможенные органы принимают меры по защите прав на ОИС в виде приостановления срока выпуска товаров, содержащих ОИС, сроком на 10 рабочих дней. В данном контексте речь идет об объектах интеллектуальной собственности, включенных в единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) в рамках ЕАЭС или национальный ТРОИС отдельных стран ЕАЭС. В РФ национальный ТРОИС ведется ФТС России. Отметим также, что меры по защите прав на ОИС могут приниматься в рамках всех таможенных процедур, за исключением процедур таможенного транзита, уничтожения, а также специальной таможенной процедуры [2, 3].

Меры по защите прав на ОИС, принимаемые таможенными органами РФ, касаются таких ОИС, как объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки (знаки обслуживания) и наименования мест происхождения товара.

Таможенные органы РФ вправе приостановить срок выпуска товаров, содержащих ОИС, не включенные в единый ТРОИС и национальный ТРОИС, при обнаружении признаков нарушения прав правообладателя на ОИС, обла-

дающие правовой охраной на территории РФ, и при наличии информации о правообладателе на территории РФ. В этом случае срок выпуска товаров приостанавливается на 7 рабочих дней. В частности, правовой охраной на территории РФ обладают ОИС, включенные в:

- реестр товарных знаков и знаков обслуживания РФ;
- реестр общеизвестных в РФ товарных знаков;
- реестр товарных знаков по международным регистрациям, по которым имеются сведения о зарегистрированных на территории РФ распоряжениях исключительным правом по договорам о предоставлении права использования;
- реестр географических указаний и наименований мест происхождения товаров РФ;
- единый реестр товарных знаков и знаков обслуживания ЕАЭС;
- единый реестр наименований мест происхождения товаров ЕАЭС.

Основной таможенной процедурой, в рамках которой проводится таможенный контроль в отношении товаров, содержащих ОИС, является процедура выпуска для внутреннего потребления. В настоящее время под эту процедуру помещается более 60% всех товарных партий, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС. Важно отметить, что основной таможенный контроль в отношении товаров, содержащих ОИС, начинается на этапе таможенного декларирования таких товаров [4]. Именно на этапе таможенного декларирования возникает множество проблем, связанных с прохождением таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС. В этой связи рассмотрим особенности таможенного декларирования товаров, содержащих ОИС.

Первой особенностью таможенного декларирования товаров, содержащих ОИС, является необходимость декларирования таких товаров отдельно от товаров, не содержащих ОИС. Данное правило должно соблюдаться даже в случаях совпадения кода товаров согласно ТН ВЭД ЕАЭС и страны происхождения товаров.

При помещении иностранных товаров, содержащих ОИС, под процедуру выпуска для внутреннего потребления таможенному органу подается декларация на товары (ДТ), а также представляются документы, подтверждающие передачу прав на ОИС. В качестве таких документов таможенными органами принимаются [5, 6]:

- 1) авторский, лицензионный договор;
- 2) свидетельство о регистрации объекта интеллектуальной собственности;
- 3) договор на использование товарного знака;
- 4) доверенность от правообладателя на использование товарного знака;
- 5) письмо от правообладателя на предоставление права на использование товарного знака.

Реквизиты вышеуказанных документов указываются в графе 44 ДТ под кодом «03021».

В графе 31 ДТ под номером 1 должны быть указаны сведения о товарах, необходимые для принятия таможенными органами мер по защите прав на ОИС, например, сведения о товарном знаке. В этой же графе при декларировании товаров, содержащих ОИС, включенные в ТРОИС, дополнительно указывается регистрационный номер ОИС по этому реестру (при его наличии).

Далее, во втором подразделе графы 33 ДТ указывается буква «И» (интеллектуальная собственность), если декларируемые товары содержат объекты и (или) признаки ОИС, включенных в ТРОИС.

В случае если цена товара компенсируется встречными предоставлениями в форме передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности, эта цена указывается в графе 42 ДТ цифровыми символами.

Как уже было отмечено, при обнаружении таможенным органом признаков нарушения прав правообладателя на ОИС срок выпуска таких товаров приостанавливается на 10 рабочих дней. При этом сведения о приостановлении срока выпуска товаров, содержащих ОИС, указываются в графе «С» ДТ. О том, что срок выпуска товаров приостановлен, свидетельствует код «60», указываемый в графе «С» ДТ под номером 3.

Соблюдение участниками ВЭД вышеизложенных особенностей таможенного декларирования товаров, содержащих ОИС, является обязательным условием успешного прохождения таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС [7].

Следующий блок проблем таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС, связан с таможенным оформлением неделимого товара с товарным знаком, который отличается от товарных знаков его составных частей.

Согласно позиции ФТС России в случае, когда товарные знаки размещены на отдельных компонентах (составных частях) неделимого товара и отличаются от товарного знака, под которым сам товар вводится непосредственно в гражданский оборот, таможенные органы (Письмо ФТС России от 29.09.2017 № 14-36/Ш-5918 «О направлении разъяснений») [8]:

— принимают меры по защите прав на товарный знак, под которым неделимый товар вводится непосредственно в гражданский оборот;

— не принимают меры по защите прав на товарные знаки, размещенные на отдельных компонентах (составных частях) неделимого товара. К примеру, организация ввозит и декларирует таможенному органу легковой автомобиль под товарным знаком HONDA, при этом отдельные части автомобиля могут иметь товарный знак TOYOTA. В этом случае таможенный орган должен принять меры по защите прав только в отношении товарного знака HONDA.

Вместе с тем важно отметить, что при таможенном декларировании товаров в графе 31 ДТ следует указывать сведения о визуально видимых товарных знаках, размещенных как на самом

товаре, так и на его составных частях. В целях подтверждения соблюдения прав правообладателя на ОИС и возобновления выпуска товаров (в случае приостановления выпуска) импортеру следует представить таможенному органу:

1. Документы, подтверждающие передачу прав на ОИС (авторский, лицензионный договор, свидетельство о регистрации ОИС, договор на использование товарного знака и т.п.) — указываются в графе 44 ДТ под кодом 03021.

2. Документы, подтверждающие введение в гражданский оборот на таможенной территории ЕАЭС товаров, обозначенных товарным знаком, с согласия правообладателя (дилерский, дистрибьютерский договор, письменное согласие и т.п.) — указываются в графе 44 ДТ под кодом 03022.

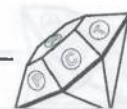
Таким образом, при перемещении через таможенную границу ЕАЭС под товарным знаком неделимого товара, составные части которого имеют другие товарные знаки, таможенными органами должны приниматься меры по защите прав на ОИС только в отношении данного товара, а не его составных частей или комплектующих.

В контексте рассмотрения проблем таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС, необходимо осветить вопросы проведения таможенного контроля в отношении товаров, ввозимых на территорию РФ из стран — участниц ЕАЭС.

Согласно положениям Договора о ЕАЭС 2014 г., на таможенной территории ЕАЭС функционирует таможенный союз, в рамках которого осуществляется единое таможенное регулирование и свободное перемещение товаров между территориями государств — членов ЕАЭС без применения таможенного декларирования и таможенного контроля. Однако в целях проверки сведений, подтверждающих факт выпуска товаров, таможенными органами может проводиться таможенный контроль в отношении товаров, находящихся на территории РФ, при наличии у таможенных органов информации о том, что товары были ввезены на таможенную территорию ЕАЭС и (или) находятся на территории РФ с нарушением таможенного законодательства.

Из этого следует, что по общему правилу при перемещении товаров между странами ЕАЭС таможенный контроль не проводится. Ярким подтверждением данного правила является неприменение таможенного контроля при перемещении между странами ЕАЭС товаров, произведенных в одной из стран ЕАЭС; такие товары изначально имеют статус товаров Союза. Вместе с тем таможенный контроль в РФ может проводиться, если иностранные товары изначально были ввезены на таможенную территорию ЕАЭС, а затем перемещались между странами ЕАЭС [9].

Помимо проверки сведений, подтверждающих факт выпуска товаров, при ввозе товаров в РФ из других стран ЕАЭС особое внимание

уделяется защите прав на ОИС. Российские таможенные органы в пределах своей компетенции обеспечивают защиту прав на ОИС на таможенной территории Союза.

Лица, в адрес которых поступают товары из стран ЕАЭС, должны быть готовы подтвердить свое право на использование ОИС (как правило, это касается товарного знака). В целях подтверждения данного права могут использоваться такие документы, как лицензионный договор, сублицензионный договор, доверенность от правообладателя.

В случае выявления таможенным органом нарушения прав на использование товарного знака получатель товаров может быть привлечен к гражданской (ст. 1515 ГК РФ), административной (ст. 14.10 КоАП РФ) или уголовной ответственности (ст. 180 УК РФ).

Таким образом, при ввозе на территорию РФ из других стран ЕАЭС товаров, которые ранее были ввезены на территорию одной из стран ЕАЭС, российский таможенный орган вправе проводить таможенный контроль в целях защиты прав на ОИС.

Рассмотренные выше проблемы таможенного контроля возникают при ввозе товаров, содержащих ОИС, на территорию РФ. Вместе с тем таможенные органы РФ обязаны принимать меры по защите прав на ОИС и при вывозе товаров за пределы таможенной территории ЕАЭС. В данном контексте речь идет о таможенной процедуре экспорта, на которую приходится свыше 30% всех товарных партий, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС.

Отметим, что в национальный ТРОИС, который ведется ФТС России, включены такие российские товарные знаки, как КАМАЗ (KAMAZ), УРАЛАЗ (URALAZ), КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ, РУССКАЯ ВОДКА, МАША И МЕДВЕДЬ, АЛЕНКА и многие другие.

В целях соблюдения прав на объекты интеллектуальной собственности российский экспортер должен получить документальное разрешение у правообладателя на использование ОИС: лицензионный договор (ст. 1235 Гражданского кодекса РФ), сублицензионный договор (ст. 1238 Гражданского кодекса РФ), письменная доверенность от правообладателя (при отсутствии договора). Таможенные органы РФ принимают указанные документы в качестве подтверждения соблюдения декларантом прав на ОИС [10].

Подводя итоги анализа проблем таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС, можно констатировать, что в настоящее время наиболее актуальными проблемами являются ошибки, совершаемые декларантами на этапе таможенного декларирования таких товаров; ряд проблем связан с таможенным оформлением неделимых товаров с несколькими товарными знаками; существуют также проблемы проведения таможенного контроля в отношении товаров, содержащих ОИС и ввозимых на терри-

торию РФ из стран — участниц ЕАЭС; кроме того, российские экспортеры зачастую не учитывают тот факт, что таможенные органы РФ обязаны принимать меры по защите прав на ОИС при вывозе товаров за пределы таможенной территории ЕАЭС.

Вышеуказанные проблемы могут быть решены путем реализации предложенных автором статьи практических рекомендаций. При этом отметим, что помимо изложенных в статье проблем существуют и другие проблемные аспекты перемещения товаров, содержащих ОИС, через таможенную границу ЕАЭС, например проблемы учета лицензионных платежей при формировании таможенной стоимости иностранных товаров. Эти и другие проблемы таможенного контроля товаров, содержащих ОИС, являются предметом будущих исследований.

Литература

1. Лопатин В.Н. Приоритеты и методологические проблемы совершенствования законодательства об ответственности за контрафакт / В.Н. Лопатин // Право интеллектуальной собственности. 2020. № 1. С. 38–44.
2. Сорокин А.М. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, как государственная таможенная услуга / А.М. Сорокин // Право интеллектуальной собственности. 2019. № 3. С. 25–30.
3. Сорокин А.М. Перспективы внедрения автоматической регистрации объектов интеллектуальной собственности в таможенном реестре / А.М. Сорокин // Право интеллектуальной собственности. 2021. № 1. С. 34–38.
4. Воротынцева Т.М. Совершенствование механизмов регулирования внешней торговли в сфере интеллектуальной собственности : монография / Т.М. Воротынцева, А.П. Сумин. Санкт-Петербург : Троицкий мост, 2019. 88 с.
5. Матвеев А.Г. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке / А.Г. Матвеев, В.Н. Синельникова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 281–309.
6. Лаптев Р.А. Исследование роли таможенных органов в обеспечении внешнеэкономической безопасности России / Р.А. Лаптев, Р.А. Рогов // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 4. С. 42.
7. Новоселова Л.А. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации / Л.А. Новоселова, Е.С. Гринь // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 9–19.
8. Гетман А.Г. Особенности товарного потока, содержащего объекты интеллектуальной собственности / А.Г. Гетман // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 1. С. 178–185.
9. Голубцова Е.В. Проблемы легализации параллельного импорта на территории Российской Федерации / Е.В. Голубцова, А.О. Зверева //

Экономические системы. 2019. Т. 12. № 3–4. С. 130–138.

10. Мантусов В.Б. Контроль таможенных органов за перемещением товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности / В.Б. Мантусов, С.В. Шкляев // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 1. С. 66–72.

References

1. Lopatin V.N. Priorityty` i metodologicheskie problemy` sovershenstvovaniya zakonodatelstva ob otvetstvennosti za kontrafakt [Priorities and Methodological Problems of the Improvement of Laws on the Liability for Counterfeit] / V.N. Lopatin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2020. № 1. С. 38–44.

2. Sorokin A.M. Tamozhenny`y kontrol tovarov, soderzhaschikh obyekty` intellektualnoy sobstvennosti, kak gosudarstvennaya tamozhennaya ushuga [Customs Control of Goods Containing Intellectual Property Items as a State Customs Service] / A.M. Sorokin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2019. № 3. С. 25–30.

3. Sorokin A.M. Perspektivy` vnedreniya avtomaticheskoy registratsii obyektoy intellektualnoy sobstvennosti v tamozhennom reestre [Prospects for the Introduction of the Automatic Registration of Intellectual Property Items in the Customs Register] / A.M. Sorokin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2021. № 1. С. 34–38.

4. Vorotyntseva T.M. Sovershenstvovanie mekhanizmov regulirovaniya vneshney torgovli v sfere intellektualnoy sobstvennosti : monografiya [The Improvement of Foreign Trade Regulation Mechanisms in the Intellectual Property Sphere : monograph] / T.M. Vorotyntseva, A.P. Sumin. Sankt-Peterburg : Troitskiy most — Saint Petersburg : Troitskiy Bridge, 2019. 88 s.

5. Matveev A.G. Obyekty` intellektualnoy sobstvennosti, poluchayushchie okhranu v XXI veke

[Intellectual Property Items Protected in the 21st Century] / A.G. Matveev, V.N. Sinelnikova // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. № 44. С. 281–309.

6. Laptev R.A. Issledovanie roli tamozhenny`kh organov v obespechenii vneshneekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [A Study of the Role of Customs Authorities in Ensuring Foreign Economic Security of Russia] / R.A. Laptev, R.A. Rogov // Vestnik evraziyskoy nauki. 2019. Т. 11 — Bulletin of the Eurasian Science. 2019. Vol. 11. № 4. С. 42.

7. Novoselova L.A. Printsipy` gosudarstvennoy registratsii rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti i sredstv individualizatsii [Principles of the State Registration of Intellectual Deliverables and Individualization Means] / L.A. Novoselova, E.S. Grin // Lex russica (Russkiy zakon) — Lex russica (Russian Law). 2019. № 7 (152). С. 9–19.

8. Getman A.G. Osobennosti tovarnogo potoka, soderzhashego obyekty` intellektualnoy sobstvennosti [Peculiarities of the Commodity Flow Containing Intellectual Property Items] / A.G. Getman // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii — Bulletin of the Russian Customs Academy. 2019. № 1. С. 178–185.

9. Golubtsova E.V. Problemy` legalizatsii parallelnogo importa na territorii Rossiyskoy Federatsii [Problems of Legalization of Parallel Import in the Russian Federation] / E.V. Golubtsova, A.O. Zvereva // Ekonomicheskie sistemy`. 2019. Т. 12 — Economic Systems. 2019. Vol. 12. № 3–4. С. 130–138.

10. Mantusov V.B. Kontrol tamozhenny`kh organov za peremescheniem tovarov, soderzhaschikh obyekty` intellektualnoy sobstvennosti [Control of Customs Authorities over Movement of Goods Containing Intellectual Property Items] / V.B. Mantusov, S.V. Shklyayev // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii — Bulletin of the Russian Customs Academy. 2018. № 1. С. 66–72.

Уважаемые читатели!

Редакции Издательской группы „Юрист“ важно расширение интереса к нашим изданиям, увеличение объема глобального обмена знаниями и практическим опытом — с этой целью мы открываем бесплатный доступ к научным статьям, вышедшим в ряде наших журналов за 2020 год.

Для ознакомления с полными текстами научных трудов необходимо перейти по ссылке: <http://www.lawinfo.ru/catalog/contents-2020/> и выбрать интересующий вас журнал.

О причинах низкой эффективности таможенной защиты интеллектуальной собственности в ЕАЭС

Воротынцева Т.М.*

Актуальность. В настоящее время в условиях активной интеграции Российской Федерации (далее — РФ) в мировую хозяйственную систему наблюдается устойчивая тенденция роста количества правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, связанных с незаконным производством, перемещением и распространением контрафактной продукции. Таможенным органам отводится ключевая роль в пресечении перемещения контрафактной продукции через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Однако существующие механизмы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС) таможенными органами не всегда являются достаточно эффективными. Таким образом, имеется необходимость развития института защиты прав на объекты интеллектуальной собственности при перемещении через таможенную границу.

Результаты. Проведен анализ актуальных проблем, возникающих в процессе обеспечения защиты прав на ОИС таможенными органами при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС. Среди наиболее важных — отсутствие функционирования Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (ЕТРОИС) государств — членов ЕАЭС, отсутствие гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС по вопросам защиты прав на ОИС, отсутствие необходимых технических возможностей при осуществлении контроля товарных знаков, низкая активность правообладателей по вопросам защиты их прав на ОИС. Предложены возможные пути совершенствования механизмов таможенной защиты прав на ОИС.

Методология: основу исследования составляют диалектический метод, а также базирующийся на нем логический метод, метод системно-структурного анализа, контент-анализ, а также метод моделирования.

Дискуссия. Рассмотренные в статье проблемы, возникающие в процессе обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, а также путей их решения не являются исчерпывающими и подлежат дальнейшему исследованию.

Ключевые слова: глобализация, интеллектуальная собственность, таможенная защита, таможенный контроль, таможенные органы, контрафактная продукция, серый импорт, правообладатель, внешнеэкономическая деятельность, «ex officio», наднациональный орган, товарные знаки, таможенная экспертиза, физические лица, срок давности.

Relevancy. In the present conditions of the active integration of the Russian Federation in the world economic system, there is observed a stable tendency of growth in the number of intellectual property offenses involving illegal manufacture, transfer and distribution of counterfeited products. Customs authorities play the key role in the suppression of the transfer of counterfeited products across the customs border of the EAEU. However, the existing mechanisms of protection of rights to intellectual property items (IP items) by customs authorities are not always efficient to a sufficient degree. Thus, there is a need to develop the institution of protection of rights to intellectual property items at their transfer across the customs border.

Results. The author analyzes relevant problems arising in the protection of rights to IP items by customs authorities in the transfer of goods across the customs border of the EAEU. Among the most relevant ones is the failure of the Unified Customs Register of Intellectual Property Items (ETROIS) of the EAEU member states, no harmonization of laws of the EAEU member states on the issues of protection of rights to IP items, no technical opportunities to control trademarks, low activity of right holders on the issues of protection of their rights to IP items. Possible ways of improvement of mechanisms of customs protection of rights to IP items are proposed.

Methods: the primary method of the study is the dialectic method and the logical, systemic and structural analysis, content analysis and modeling methods that are based on the first one.

Discussion. The problems arising in the protection of rights to intellectual property items by customs authorities in the transfer of goods across the customs border of the EAEU and the solutions covered by the article are not exhaustive and are subject to further study.**

Keywords: globalization, intellectual property, customs protection, customs control, customs authorities, counterfeited products, gray import, rights holder, foreign economic activities, ex officio, supranational authority, trademarks, customs examination, individuals, period of limitation of actions.

* Воротынцева Татьяна Михайловна, доцент кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов (RUDN University), доцент кафедры таможенных операций и таможенного контроля Российской таможенной академии, кандидат экономических наук. Электронный адрес: mstata67@list.ru

Рецензент: Сорокин Алексей Михайлович, ответственный секретарь журнала «Право интеллектуальной собственности», ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела правовой защиты интеллектуальной собственности РНИИС, доцент кафедры таможенного дела юридического института РУДН, кандидат экономических наук.

** On the Reasons for Low Efficiency of Customs Protection of Intellectual Property in the EAEU
Tatyana M. Vorotyntseva, Associate Professor of the Department of Customs of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Associate Professor of the Department of Customs Operations and Customs Control of the Russian Customs Academy, PhD (Economics).

Reviewed by: Aleksey M. Sorokin, Executive Secretary of the Intellectual Property Law Journal, Leading Research Scientist of the Research Department of Legal Protection of Intellectual Property of the RNIIS, Associate Professor of the Department of Customs of the Law Institute of the RUDN University, PhD (Economics).

Обеспечение защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (ОИС) при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС является процессом сложным, трудоемким и имеет множество нюансов, особенно в условиях глобализации мировой экономики [1]. Субъектами таможенной защиты прав на ОИС являются достаточно большое количество субъектов, в первую очередь это таможенные органы [2], так как они предотвращают поступление контрафактной продукции и серого импорта на внутренний рынок ЕАЭС.

По официальным данным ФТС России, в период 2016–2020 гг. таможенными органами выявлено 76,6 млн ед. контрафактной продукции, том числе лекарственных средств (рис. 1).

В случае перемещения через таможенную границу выявленной контрафактной продукции правообладателям мог быть причинен ущерб в размере на общую сумму 31,7 млрд рублей за весь указанный период (рис. 2).

Более 97% всех возбужденных дел приходится на ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и связаны с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (рис. 3).

Общее количество возбужденных дел об административных правонарушениях за нарушения прав на ОИС за период 2015–2019 гг. составляет 5432 дела.

Основные потоки контрафактной продукции, поступающие на территорию ЕАЭС, направлены из Китая и Гонконга (более 60%), Турции (9,8%), ОАЭ (0,46%), Грузии (0,12%), Японии (0,05%) и Литвы (0,03%). Большинство выявленных правонарушений посягают на правообладателей из США (24%), Франции (16,6%), Италии (15,1%), Швейцарии (11,2%), Германии (9,3%), Японии (6%) и Китая (1,3%)¹.

¹ Официальный сайт Федеральной таможенной службы России. URL: <http://www.customs.ru>

Объем выявленной контрафактной продукции, млн ед.

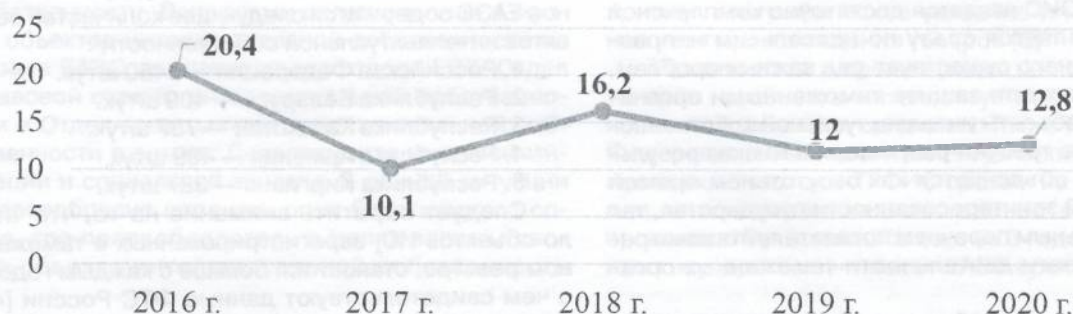

Рис. 1. Объем выявленной таможенными органами контрафактной продукции в период 2016–2020 гг. (Составлено на основании материалов с официального сайта Федеральной таможенной службы России. URL: <http://www.customs.ru>.)

Размер предотвращенного таможенными органами ущерба правообладателям, млрд руб.

Рис. 2. Размер предотвращенного таможенными органами ущерба правообладателям в период 2016–2020 гг. (Составлено на основании материалов с официального сайта Федеральной таможенной службы России. URL: <http://www.customs.ru>.)

Количество возбужденных дел об административных правонарушениях за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности, шт.

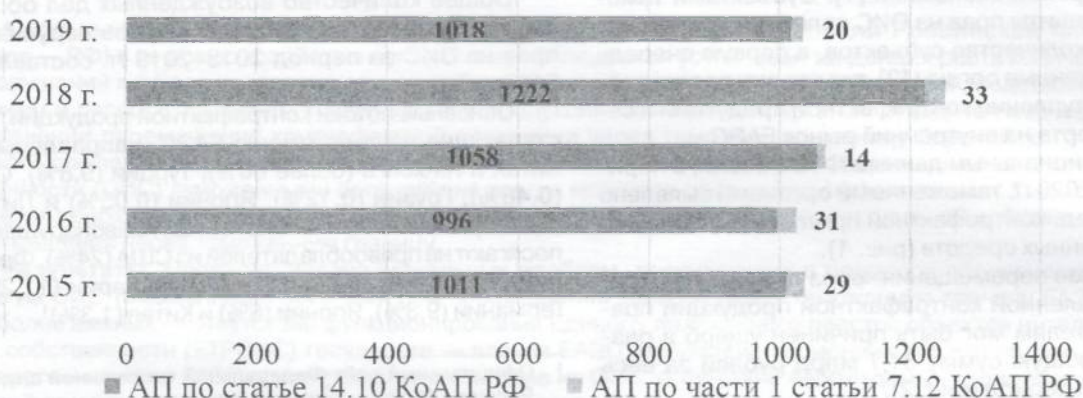

Рис. 3. Количество возбужденных дел об АП за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности за период 2015–2019 гг. (Составлено на основании материалов с официального сайта Федеральной таможенной службы России. URL: <http://www.customs.ru>.)

Деятельность таможенных органов по защите прав на ОИС является достаточно комплексной и осуществляется сразу по нескольким направлениям. Однако существует ряд важных проблем, возникающих при защите таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности, которые требуют разрешения. Низкая результативность объясняется как отсутствием прямой финансовой заинтересованности государства, так и сомнительным перечнем показателей оценки результативности деятельности таможенных органов [3].

Одной из важнейших проблем защиты таможенными органами прав на объекты интеллектуальной собственности при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС является отсутствие функционирования Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (ЕТРОИС) государств — членов ЕАЭС. В результате для защиты объекта интеллектуальной собственности на уровне ЕАЭС правообладатель вынужден подать заявление в каждый национальный ТРОИС всех пяти государств — членов ЕАЭС, что требует значительных временных и материальных ресурсов. Более того, таможенные органы могут принимать меры по защите прав только на объекты интеллектуальной собственности, включенные в национальные ТРОИС. Если, к примеру, товарный знак «Lenor», включен в ТРОИС РФ, но не включен в ТРОИС Республики Казахстан, то товары с маркировкой данным товарным знаком могут свободно перемещаться через границу Казахстана без нарушения законодательства о таможенном регулировании, даже в случае если товары обладают признаками контрафактности. Выпуск таких товаров может быть приостановлен только по процедуре «ex officio».

Обратимся к структуре национальных ТРОИС государств — членов ЕАЭС. По данным на 24 марта

2021 г. в национальных ТРОИС государств — членов ЕАЭС содержится следующее количество объектов интеллектуальной собственности²:

1. Российская Федерация — 5460 штук.
2. Республика Беларусь — 409 штук.
3. Республика Казахстан — 737 штук.
4. Республика Армения — 409 штук.
5. Республика Киргизия — 387 штук.

Следует обратить внимание на то, что число объектов ИС, зарегистрированных в таможенном реестре, становится больше с каждым годом, о чем свидетельствуют данные ФТС России [4]. Однако ввиду различного количества объектов интеллектуальной собственности в национальных ТРОИС государств — членов ЕАЭС значительно усложняется защита таможенными органами прав на них. После ввоза в государство-член товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, которые на территории данного государства-члена не охраняются, эти товары могут быть свободно перемещены в государство-член, где данный объект интеллектуальной собственности попадает под охрану таможенных органов. В результате возникает коллизия. В связи с этим существует высокая потребность в функционировании Единого ТРОИС ЕАЭС, которое бы позволило резко снизить количество попадающего на внутренний рынок контрафакта и значительно повысить эффективность таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Система законодательства в области таможенной защиты прав на ОИС в ЕАЭС сложная и многоступенчатая [5]. Соглашение о Едином ТРОИС ЕАЭС было заключено 21 марта 2010 г. в Санкт-Петербурге, однако спустя 11 лет существования реестра функционировать он так и не начал. Причины такой задержки перечислены ниже:

² Там же.

1. При подаче заявления на включение объекта интеллектуальной собственности в ЕТРОИС, согласно ст. 385 ТК ЕАЭС, все равно необходима регистрация объекта интеллектуальной собственности в каждом государстве — члене ЕАЭС. Регистрация ОИС сопровождается финансовыми расходами и временными затратами.

2. Необходимость внесения материального обеспечения расходов комиссии и убытков декларанта в размере 10 000 евро. При этом получить полис страхования гражданской ответственности, который бы соответствовал требованиям всех государств — членов ЕАЭС и действовал на всей территории Союза, достаточно проблематично, так как организаций, которые оказывают такие услуги, очень мало.

3. Заявление на включение объекта интеллектуальной собственности в ЕТРОИС должно одновременно удовлетворять требованиям законодательства всех государств — членов ЕАЭС по включению в национальные ТРОИС. Единые требования о включении объектов интеллектуальной собственности в ЕТРОИС на данный момент отсутствуют.

4. Отсутствие наднационального органа, который бы регулировал процесс осуществления таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности. Вопросами регулирования в сфере объектов интеллектуальной собственности на уровне ЕАЭС занимаются два отдела ЕЭК: Отдел правовой охраны интеллектуальной собственности и Отдел защиты прав интеллектуальной собственности в рамках Департамента трудовой миграции и социальной защиты. В данной ситуации целесообразно перенять опыт Европейского союза, где правообладатель в целях защиты своего объекта интеллектуальной собственности

обращается в Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке, подает заявление на регистрацию товарного знака и обеспечивает охрану на всей территории Европейского союза.

5. Отсутствие нормативной правовой базы по взаимодействию таможенных администраций государств — членов ЕАЭС по вопросам ведения ЕТРОИС.

Таким образом, отсутствие единого комплексного подхода ЕЭК и государств — членов ЕАЭС к механизму защиты прав на ОИС и противоречия в наднациональном законодательстве и национальных нормативных правовых актов государств — членов ЕАЭС, регламентирующих требования к порядку защиты прав на ОИС, является существенным барьером для функционирования ЕТРОИС.

Отсутствие гармонизации законодательства государств — членов ЕАЭС по вопросам защиты прав на объекты интеллектуальной собственности также является серьезной проблемой. Сравнительный анализ мер таможенной защиты в государствах — членах ЕАЭС приведен в таблице.

Как показывает сравнительный анализ мер таможенной защиты ОИС, в странах ЕАЭС различается перечень охраняемых таможенными органами объектов интеллектуальной собственности, например, географическое указание и наименование мест происхождения товаров [6].

Различаются и сроки предоставления защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами. Так, в Российской Федерации объекты интеллектуальной собственности включаются в ТРОИС сроком на 3 года, после чего неограниченное количество раз этот срок может продлеваться еще на 3 года. В остальных государствах — членах ЕАЭС срок включения

Таблица

Меры таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности по требованиям законодательства государств — членов ЕАЭС*

	Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Республика Армения	Республика Киргизия
1. НПА	Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289 «О таможенном регулировании в РФ»	Закон РБ от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в РБ»	Кодекс РК от 26 декабря 2017 г. № 123-VI «О таможенном регулировании в РК»	Закон Республики Армения от 30 декабря 2014 г. № ЗР-241 «О таможенном регулировании»	Закон КР от 24 апреля 2019 г. № 52 «О таможенном регулировании»
2. Уполномоченный орган	ФТС России	ГТК Республики Беларусь	КГД МФ РК	Таможенная служба РА	Таможенная служба КР
3. ОИС, которым предоставляется таможенная защита	1. Объекты авторского права 2. Объекты смежных прав 3. Товарные знаки 4. Знаки обслуживания 5. НМПТ 6. Географ. указания	1. Объекты авторского права 2. Объекты смежных прав 3. Товарные знаки 4. Знаки обслуживания 5. Географ. указания	1. Объекты авторского права 2. Объекты смежных прав 3. Товарные знаки 4. Знаки обслуживания 5. НМПТ	1. Объекты авторского права 2. Объекты смежных прав 3. Товарные знаки 4. Знаки обслуживания 5. НМПТ	1. Объекты авторского права 2. Объекты смежных прав 3. Товарные знаки 4. Знаки обслуживания 5. НМПТ
4. Наличие ТРОИС	+	+	+	+	+
5. Срок защиты	Не более 3 лет +	Не более 2 лет +	Не более 2 лет +	Не более 2 лет +	Не более 2 лет +

* Составлено автором.

в таможенные реестры не должен превышать 2 года. Продление может быть осуществлено также неограниченное количество раз, однако не более чем на 2 года.

Имеет различия и сумма страхования гражданской ответственности при включении объектов интеллектуальной собственности в национальные реестры государств — членов ЕАЭС. В России минимальная сумма страхового обеспечения в пользу лица, в отношении которого могут быть применены меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, составляет 500 000 рублей. В Республике Беларусь данная сумма эквивалентна 10 000 евро в пересчете на белорусские рубли по курсу, установленному Национальным банком Республики Беларусь на дату внесения такого обеспечения. В Казахстане правообладатель должен застраховать риск гражданской ответственности на сумму не менее 1000-кратного размера месячного расчетного показателя, установленного на соответствующий финансовый год законом о республиканском бюджете. Размер страхового обеспечения в Кыргызской Республике — 7000 расчетных единиц. В Республике Армения требование об обязательном страховании риска гражданской ответственности отсутствует. В случае принятия решения о приостановлении выпуска товаров правообладатель в течение 3 дней должен внести залог или предоставить гарантию возмещения расходов таможенных органов, а также внести сумму возмещения убытков декларанту, эквивалентную 5% от таможенной стоимости приостановленных товаров.

Также важно подчеркнуть, что не все государства — члены ЕАЭС принимают меры по приостановлению выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не включенных в ТРОИС по полномочиям «ex officio». В Республике Беларусь и в Кыргызской Республике данная мера не применяется. В Республике Казахстан установлен более короткий срок приостановления выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, не включенных в ТРОИС, — 3 рабочих дня, а не 7, как это предусмотрено в России и Республике Армения.

Следует также отметить проблему, связанную с отсутствием технических возможностей для осуществления контроля товарных знаков. Так, например, имеющиеся в распоряжении таможенных органов штатные программные средства не всегда могут объективно идентифицировать товарные знаки, и форматно-логический контроль осуществляется по кодам товара в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее — ТН ВЭД ЕАЭС). По причине отсутствия технических возможностей для осуществления контроля товарных знаков должностные лица таможенных органов вынуждены осуществлять контроль товарных знаков вручную, что требует большого количества времени и значительно снижает эффективность таможенного контроля.

Кроме того, недобросовестные участники ВЭД игнорируют требование по указанию товарного

знака в 31 графе декларации на товары. В таких случаях должностные лица таможенных органов вынуждены проводить фактический таможенный контроль, чтобы обнаружить нарушения и предотвратить перемещение контрафактной продукции через таможенную границу ЕАЭС. Поскольку проведение фактического контроля требует значительных временных и материальных затрат, проведение такого контроля каждого товара не представляется возможным.

Следует отметить, что за последние годы активность участников экономической деятельности, связанная с защитой интеллектуальных прав, растет [7], однако это не устранило все проблемы. Многие правообладатели долго отвечают на уведомления таможенных органов о приостановлении выпуска товаров, некоторые и вовсе игнорируют такие уведомления. Более того, очень часто правообладатели не обращают внимания на обнаружение таможенными органами небольшого количества товара, обладающего признаками контрафактного. В большинстве случаев правообладатели не осведомлены по вопросам защиты своих прав, не желают тратить время и финансовые ресурсы на борьбу с нарушителями, боятся испортить репутацию, если дело вызовет широкий резонанс в обществе.

Некоторые правообладатели также не проявляют интереса в предоставлении материалов об идентификационных признаках своей продукции ЦЭКТУ ФТС России, что усложняет процесс проведения таможенной экспертизы на предмет установления контрафактной природы товаров. Без оригинальных образцов идентифицировать контрафактный товар — очень сложная задача.

По мнению автора, проблемы с проведением таможенной экспертизы на предмет установления контрафактной природы товаров обусловлены тем, что в законодательных актах недостаточно четко изложены обязательства по взаимодействию правообладателей с таможенными органами. Зачастую бездействие правообладателей приводит к неэффективности всех проводимых таможенными органами мероприятий по задержанному товару. В результате таможенные органы вынуждены разрешить выпуск таких товаров на внутренний рынок ЕАЭС, так как без согласия правообладателя возбудить дело об административном правонарушении и запретить перемещение этих товаров таможенные органы неправомерны.

Как показывает практика, ежегодно большое количество правонарушений выявляется при таможенном контроле физических лиц при перемещении через таможенную границу ЕАЭС. Причина кроется в непринятии мер по защите прав интеллектуальной собственности в отношении товаров, перемещаемых физическими лицами через таможенную границу ЕАЭС.

Согласно ст. 4.5 КоАП РФ, таможенные органы могут возбудить дело об административном правонарушении в течение 1 года с момента совершения правонарушения, в то время как срок таможенного контроля после выпуска товаров составляет 3 года. Как видим, срок давности привлечения ви-

новых лиц к административной ответственности за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности заканчивается намного раньше, чем может быть проведена таможенная проверка. Следовательно, при выявлении нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности после выпуска товаров, с большой долей вероятности, лицо, его совершившее, не понесет никакой ответственности.

В целях совершенствования порядка обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС прежде всего необходимо решить проблему незавершенности разработки единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов ЕАЭС. Для этого следует провести работу по унификации требований законодательств государств — членов Союза. Кроме этого, необходимо разработать единый порядок ведения таможенного реестра, перечня объектов интеллектуальной собственности, которые подлежат защите таможенными органами, а также порядок применения мер по их защите.

В связи с имеющимися проблемами целесообразно обратиться к зарубежному опыту и создать наднациональный орган на уровне ЕАЭС по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, который бы занимался ведением ЕТРОИС, нормотворческой деятельностью в сфере защиты прав объектов интеллектуальной собственности таможенными органами, а также координировал деятельность таможенных администраций по вопросам таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Пока отсутствует ЕТРОИС и гармонизация требований законодательства по вопросам защиты прав на объекты интеллектуальной собственности, потоки контрафактной продукции будут продолжать проникать на территорию государств — членов ЕАЭС.

В целях обеспечения оперативного обмена информацией по вопросам защиты прав на объекты интеллектуальной собственности необходимо создать единую эффективно функционирующую автоматизированную информационную систему таможенных органов в рамках ЕАЭС, при этом автоматические операции предполагают полное отсутствие участия должностных лиц [8]. Следует отметить, что особое внимание необходимо уделить совершенствованию штатных программных средств таможенных органов. Внедрение новейших разработок и технологий может помочь повысить качество таможенного контроля на этапе документарного контроля и снизить нагрузку на таможенные органы в части проведения фактического контроля. Этот шаг позволит более точно идентифицировать товары, содержащие ОИС, подлежащие фактическому контролю, и исключить нерезультативные досмотры. В целом путем внедрения в практику штатных программных средств таможенных органов можно увеличить объем выявляемого контрафакта и существенно снизить риск нарушения прав правообладателей на ОИС.

Для решения проблемы низкой активности самих правообладателей требуется наладить ме-

ханизм сотрудничества между таможенными органами и правообладателями. В этих целях необходимо на постоянной основе организовывать рабочие встречи, семинары, конференции, в ходе которых правообладателям разъяснялись бы значение защиты их прав, а также возможные последствия в случае игнорирования небольших партий контрафактных товаров.

Особое внимание следует уделить разработке проблемы непринятия мер по защите прав на ОИС в отношении товаров, перемещаемых физическими лицами. Для этого следует законодательно разрешить применение мер по таможенной защите и в отношении товаров, перемещаемых физическими лицами, в случае, если есть основания полагать, что данные товары перемещаются лицом не для личного пользования и могут быть использованы в целях реализации.

Также необходимо внести поправки в КоАП РФ и увеличить срок давности привлечения к административной ответственности лиц, виновных в совершении правонарушений, связанных с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности, с 1 года до 3 лет. Это позволит привлекать к ответственности виновных лиц, в случае если нарушения выявляются после выпуска товаров, и определять судьбу контрафактного товара [9]. В целях повышения ответственности лиц, виновных в нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности, по мнению автора, необходимо проработать вопрос об ужесточении применяемых мер. Ужесточение мер к виновным в нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности будет способствовать снижению общего числа случаев перемещения контрафактной продукции. Кроме этого, развитие глобального общества диктует необходимость активно использовать цифровую среду как в традиционных отраслях экономики, так и в сфере интеллектуальной собственности [10]. В целом нужно сказать, что процесс обнаружения нарушений прав на объекты интеллектуальной собственности весьма сложный и требует внимательности и сосредоточенности должностных лиц таможенных органов. От того, насколько тщательно проведен таможенный контроль и своевременно применены меры по защите объектов интеллектуальной собственности, зависит в первую очередь безопасность людей, а также имидж самого государства.

Литература

1. Евстафьев В. Способы защиты интеллектуальной собственности в рамках внешнеэкономической деятельности / В. Евстафьев, Л. Хитрова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 18–23.
2. Лопатин В.Н. Цифровизация, стандартизация и рынок интеллектуальной собственности как условия конкурентоспособности в рамках евразийской интеграции на период до 2030 года / В.Н. Лопатин // Право интеллектуальной собственности. 2020. № 4. С. 10–24.
3. Сорокин М.А. Трансформация таможенной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе /

М.А. Сорокин, А.М. Сорокин // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 2. С. 99–105.

4. Совершенствование механизмов регулирования внешней торговли в сфере интеллектуальной собственности : монография / Т.М. Воротынцева, А.П. Сумин. Санкт-Петербург : Троицкий мост, 2019. 88 с.

5. Сорокин М.А. Таможенная защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе / М.А. Сорокин, А.М. Сорокин // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 3 (30). С. 19–28.

6. Еременко Е.И. Географическое указание: новый объект — новые проблемы. Часть 1 / Е.И. Еременко // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2020. № 1. С. 20–27.

7. Воротынцева Т.М. Развитие инструментов защиты интеллектуальной собственности / Т.М. Воротынцева // Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе на современном этапе : материалы IX Международной молодежной научно-практической конференции (г. Москва, 19 апреля 2018 г.) : сборник научных статей / редколлегия: В.Б. Мантусов, О.Г. Карпович, Н.Г. Липатова [и др.]. Москва : РИО Российской таможенной академии, 2018. С. 360–363.

8. Попова Н.Ф. Необходимость цифровизации государственного управления в РФ / Н.Ф. Попова // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 48–53.

9. Агамагомедова С. Административно-правовая защита интеллектуальных прав: обзор судебной практики / С. Агамагомедова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 8. С. 60–67.

10. Цукерблат Д.М. Блокчейн в сфере интеллектуальной собственности: новые правоотношения / Д.М. Цукерблат // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 3. С. 23–31.

References

1. Evstafyev V. Sposoby` zaschity` intellektualnoy sobstvennosti v ramkakh vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti [Intellectual Property Protection Means within the Framework of Foreign Economic Activities] / V. Evstafyev, L. Khitrova // Intellektual'naya sobstvennost. Promy`shlennaya sobstvennost — Intellectual Property. Industrial Property. 2021. № 3. С. 18–23.

2. Lopatin V.N. Tsifrovizatsiya, standartizatsiya i ry`nok intellektualnoy sobstvennosti kak usloviya konkurentosposobnosti v ramkakh evraziyskoy integratsii na period do 2030 goda [Digitalization, Standardization and the Intellectual Property Market as Conditions of Competitiveness within the Framework of the Eurasian Integration until 2030] / V.N. Lopatin // Pravo intellektualnoy sobstvennosti — Intellectual Property Law. 2020. № 4. С. 10–24.

3. Sorokin M.A. Transformatsiya tamozhennoy zaschity` prav na obyektu` intellektualnoy sobstvennosti v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [The Transformation of the Customs Protection of Intellectual Property Items in the Eurasian Economic

Union] / M.A. Sorokin, A.M. Sorokin // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii — Bulletin of the Russian Customs Academy. 2018. № 2. С. 99–105.

4. Sovershenstvovanie mekhanizmov regulirovaniya vneshney torgovli v sfere intellektualnoy sobstvennosti : monografiya [The Improvement of Foreign Trade Regulation Mechanisms in the Intellectual Property Sphere : monograph] / T.M. Vorotyntseva, A.P. Sumin. Sankt-Peterburg : Troitskiy most — Saint Petersburg : Troitskiy Bridge, 2019. 88 s.

5. Sorokin M.A. Tamozhennaya zaschita prav na obyektu` intellektualnoy sobstvennosti v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [Customs Protection of Intellectual Property Items in the Eurasian Economic Union] / M.A. Sorokin, A.M. Sorokin // Territoriya novy`kh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa — Territory of New Opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2015. № 3 (30). С. 19–28.

6. Eremenko E.I. Geograficheskoe ukazanie: novy`y obyekt — novy`e problemy`. Chast 1 [Geographical Indication: New Object, New Problems. Part 1] / E.I. Eremenko // Patenty` i litsenzii. Intellektualny`e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2020. № 1. С. 20–27.

7. Vorotyntseva T.M. Razvitie instrumentov zaschity` intellektualnoy sobstvennosti [The Development of Intellectual Property Protection Tools] / T.M. Vorotyntseva // Integratsionny`e protsessy` v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze na sovremennom etape : materialy IX Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 19 aprelya 2018 g.) : sbornik nauchny`kh statey / redkollegiya : V.B. Mantusov, O.G. Karpovich, N.G. Lipatova [i dr.] — Integration Processes in the Eurasian Economic Union at the Present Stage : materials of the 9th international youth scientific and practical conference (Moscow, April 19, 2018) : collection of scientific articles / editorial board : V.B. Mantusov, O.G. Karpovich, N.G. Lipatova [et al.]. Moskva : RfO Rossiyskoy tamozhennoy akademii — Moscow : Editorial and Publishing Department of the Russian Customs Academy, 2018. С. 360–363.

8. Popova N.F. Neobkhodimost tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya v RF [The Need for Digitalization of Public Administration in the Russian Federation] / N.F. Popova // Administrativnoe pravo i protsess — Administrative Law and Procedure. 2020. № 2. С. 48–53.

9. Agamagomedova S. Administrativno-pravovaya zaschita intellektualny`kh prav: obzor sudebnoy praktiki [Administrative and Legal Protection of Intellectual Rights: An Overview of the Judicial Practice] / S. Agamagomedova // Intellektual'naya sobstvennost. Promy`shlennaya sobstvennost — Intellectual Property. Industrial Property. 2021. № 8. С. 60–67.

10. Tsukerblat D.M. Blokcheyn v sfere intellektualnoy sobstvennosti: novy`e pravootnosheniya [Blockchain in the Intellectual Property Sphere: New Legal Relations] / D.M. Tsukerblat // Patenty` i litsenzii. Intellektualny`e prava — Patents and Licenses. Intellectual Rights. 2021. № 3. С. 23–31.

Новости в сфере стандартизации (4 квартал 2021 г.)*

Аннотация. Обзор мероприятий в сфере стандартизации, прошедших в 4 квартале 2021 г. в ВТО, МЭК, ИСО, G20, в Российской Федерации (*Росстандарт*, Росаккредитации, ФТС России), а также в отдельных зарубежных странах, подготовлен на основе дайджестов по стандартизации и техническому регулированию, выпускаемых совместно Минпромторгом России, Росстандартом и Российским институтом стандартизации. В Обзоре мероприятия классифицированы по трем группам: международная стандартизация, национальная стандартизация и зарубежный опыт.

Ключевые слова: международная стандартизация, национальная стандартизация, зарубежный опыт, интеллектуальная собственность, «цифровые двойники», искусственный интеллект, ВТО, ИСО, МЭК, ЕС, ЕАЭС, Росстандарт, Росаккредитации, сертификация, качество.

Abstract: The review of events in the sphere of standardization that took place in Q4, 2021 in the WTO, IEC, ISO, G20, the Russian Federation (the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology, the Federal Service for Accreditation, the Federal Customs Service of Russia) and in some foreign countries has been prepared based on standardization and technical regulation digests issued by the Ministry of Industry and Trade of Russia, the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology and the Russian Institute of Standardization. The events covered in the Review are divided into three groups: the international standardization, national standardization and foreign experience.

Keywords: international standardization, national standardization, foreign experience, intellectual property, digital twins, artificial intelligence, WTO, ISO, IEC, EU, EAEU, Federal Agency for Technical Regulation and Metrology, Federal Service for Accreditation, certification, quality.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ

Саммит G20

1 ноября 2021 г. Лидеры стран Группы двадцати (G20) по итогам саммита G20, проведенного в Риме, который был посвящен обсуждению роли стандартов в глобальной торговле и социально-экономическом развитии, а также обмену опытом и мнениями по дальнейшему применению стандартов в ответ на глобальные вызовы, приняли итоговую декларацию, впервые упоминающую важность работ по стандартизации.

«Принимая во внимание необходимость поддержки большего участия малых и средних предприятий в цифровой экономике, мы заявляем о своей приверженности международному сотрудничеству, направленному на цифровую трансформацию производства, процессов, услуг и бизнес-моделей, в том числе с помощью основанных на консенсусе международных стандартов и совершенствования защиты потребителей, развития цифровых навыков и грамотности» — сказано в декларации. Таким образом, главы ведущих экономик мира подчеркнули необходимость использования инструментов стандартизации в цифровой трансформации экономики и промышленности.

Вопросы международной стандартизации впервые вошли в повестку «Большой двадцатки» в рамках саммита, организованного национальным органом по стандартизации Королевства Саудовской Аравии, председательствовавшего в 2020 г. в G20. На полях саммита G20 уже по традиции в формате видеоконференции был также проведен круглый стол по международной стандартизации, в котором приняли участие руководители Международной организации по стандартизации (ИСО), Международной электротехнической комиссии (МЭК), Международ-

ного союза электросвязи (МСЭ) и национальных органов по стандартизации стран «Большой двадцатки». От Российской Федерации в мероприятии участвовал с докладом руководитель Росстандарта **Антон Шалаев**.

Источник: Росстандарт

МЭК и ИСО по искусственному интеллекту

Совместный технический комитет МЭК и ИСО SC 42 разрабатывает международные стандарты в области всей экосистемы искусственного интеллекта, включая технологические возможности и нетехнические требования, такие как бизнес, нормативные и политические требования, потребности прикладных областей, а также этические и социальные проблемы. Более 260 участников из 50 стран — членов комитета со всего мира участвовали в пленарном заседании SC 42 (октябрь 2021 г.).

Стефано Нативи, ведущий научный сотрудник Объединенного исследовательского центра (JRC) Европейской комиссии по большим данным, представил исследование AI Watch Study — стандарты искусственного интеллекта для поддержки реализации Европейского закона об искусственном интеллекте. Он отметил, что основная группа из шести стандартов IEC/ISO стала наиболее актуальными рабочими элементами, на которых следует сосредоточиться при реализации Закона об искусственном интеллекте, одновременно решая различные проблемы заинтересованных сторон. Одна из ключевых рекомендаций заключалась в том, чтобы начать сотрудничество с организациями по стандартизации, чтобы улучшить соответствие стандартов и устранить выявленные проблемы.

Сальваторе Скальцо, специалист по политике и правовым вопросам в области искус-

* News in the Sphere of Standardization (Q4 2021)

ственного интеллекта Европейской комиссии, рассказал о разработке Закона ЕС об искусственном интеллекте, который устанавливает горизонтальные правила для разработки, модификации и использования продуктов, услуг и систем, основанных на искусственном интеллекте, внутри ЕС и предоставляет основные правила искусственного интеллекта, применимые ко всем отраслям на оценке риска, в отношении здоровья, безопасности и основных прав людей и предприятий, использующих такие продукты, а также с учетом общественных интересов. По его оценке, «ожидается, что стандарты будут играть ключевую роль во внедрении новых правил. Таким образом, Комиссия стремится активно взаимодействовать с сообществом стандартизации в этой области, чтобы гарантировать, что будущие стандарты в области ИИ будут адекватно соответствовать рыночным и нормативным ожиданиям».

Ральф Спорер, председатель Совета по стандартизации МЭК (SMB), рассказал о стратегии цифровой трансформации МЭК, особо выделив концепцию стандартов SMART, которая направлена на объединение инициатив, предоставление средств для общей интерпретации цифровых стандартов между доменами, повышение понимания того, что подразумевается под машиночитаемым форматом, и формирование способов успешного развития организаций, занимающихся разработкой стандартов, одновременно учитывая технологические и правовые ограничения. По его словам, «Стандарты искусственного интеллекта поддерживают стратегию цифровой трансформации. У МЭК есть уникальная возможность для сотрудничества между горизонтальными ИТ-стандартами, такими как стандарты, разработанные SC 42, и прикладными областями МЭК».

Как отмечали основные докладчики, ИИ остается ключевой технологией, обеспечивающей цифровую трансформацию. Более того, контекст использования технологий SC 42 является ключом к широкому и успешному внедрению, одновременно решая возникающие нетехнические проблемы, связанные с их ожидаемым повсеместным использованием. «Наша рабочая программа отражает эту реальность, и наш подход к рассмотрению экосистемы продолжает вызывать большой интерес в разных сферах и дисциплинах. В наступающем году ключевыми инициативами будет дальнейшее выявление пробелов в программе работы, продолжение сотрудничества с комитетами по стандартизации для использования работы SC 42 в их прикладных областях и продолжение нашей работы с целью обеспечения того, чтобы у нас был широкий круг заинтересованных сторон в развитии нашей работы», — сказал **Ваэль Уильям Диаб**, председатель SC 42.

Источник: IEC

ВТО: экспорт промежуточных товаров во втором квартале увеличился на 47% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года

Промежуточные товары (IG) — это исходные материалы, используемые для производства конечного продукта. Согласно новому квартальному отчету ВТО, мировой экспорт промежуточных товаров (IG), таких как детали и компоненты, вырос на 47% в годовом исчислении во втором квартале 2021 г. Это увеличение поддерживает тенденцию к росту экспорта IG, зафиксированную в первом квартале с.г. (20%), в течение которого торговля IG от большинства ведущих экспортеров значительно превышала допандемический уровень 2019 г. Экспорт оборудования для транспорта увеличился во втором квартале 2021 г. на 69%. В основном это свидетельствует о восстановлении после сильного спада, наблюдавшегося в секторе во втором квартале 2020 г. — автомобильная промышленность больше всего пострадала с точки зрения воздействия на спрос и цепочки поставок во время пика пандемии.

Наименее всего увеличился экспорт продуктов питания и напитков во втором квартале 2021 г. — на 29%. В отличие от других отраслей, пищевая промышленность не продемонстрировала заметного спада во втором квартале 2020 г.

Источник: WTO

ИСО: новая версия стандарта ИСО 17030

Международный стандарт ИСО/МЭК 17030:2021 Оценка соответствия — Общие требования к знакам соответствия распространяется на знаки соответствия, используемые третьей стороной. Знаки соответствия играют важную роль в подтверждении того, что продукт соответствует требованиям по таким характеристикам, как безопасность, качество, происхождение, производительность, надежность или воздействие на окружающую среду, при условии, что они используются надлежащим образом.

Знаки соответствия наносятся на продукцию, сертификаты, сопроводительные документы и могут принимать различные формы на различных носителях, например, в кодах быстрого ответа (QR) или в технологии распределенного реестра (например, блокчейн). Этот документ применим к сторонним знакам соответствия, выпущенным и используемым в различных формах и на различных носителях, включая цифровое представление с использованием хранимых и отображаемых в электронном виде знаков, машиночитаемого кода, блокчейна (распределенного реестра) или других электронных средств. Он применим не только к знакам, используемым при сертификации, но и к знакам, свидетельствующим об аккредитации. Знаки соответствия согласно этому документу могут включать логотипы (например, знак органа по оценке

соответствия или товарные знаки), символы (например, изображение признания в соглашении об аккредитации или изображение соответствующей программы) или их сочетание, а также могут представлять собой комбинацию нескольких знаков (например, указание на соответствие нескольким наборам стандартов или требований, и т.п.). Этот документ не применяется к маркировке, которая обеспечивает указание только обозначения, кода или классификации продукции или услуги.

Источник: ISO

Обзор ISO по сертификации системы менеджмента за 2020 год

Ежегодно ИСО предоставляет оценку количества действующих сертификатов на системы менеджмента по всему миру для каждой страны и для каждого сектора путем подсчета организаций, которые развернули систему управления на основе одного из **12 основных международных стандартов**, в том числе выросла сертификация по сравнению с 2019 г.:

- **ISO 45001** (системы менеджмента по охране труда и технике безопасности) — в пять раз (190 429 компаний по всему миру);

- **ИСО/МЭК 27001** (менеджмент информационной безопасности) — на 22% во всем мире;

- **ISO 22000** (пищевые продукты) выросла с 300 в 2019 г. до 804 действующих сертификатов;

- **ISO 13485** (медицинские устройства).

Сертификация по **ISO 22301** (системы управления непрерывностью бизнеса) и по **ISO 9001** не увеличилась. Ключевая тенденция, выявленная в обзоре ISO за 2020 г.: компании **оптимизируют** свои сертификаты, когда один сертификат используется для покрытия большего количества филиалов (производственных площадок).

Источник: ISO

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ

Стандарты для повышения эффективности госзакупок

В развитие положений Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» и во исполнение Плана мероприятий («дорожной карты») развития стандартизации в России на период до 2027 г. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии утверждены рекомендации по стандартизации Р 1323565.1.037-2021 «Методические рекомендации по применению документов национальной системы стандартизации при описании объектов закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд». Рекомендации разработаны Росстандартом совместно с ФГБУ «Российский институт стандартизации» в рамках деятельности технического комитета по стан-

дартизации ТК 012 «Методология стандартизации» и вводятся в действие с 1 декабря 2021 г.

Рекомендации предназначены в первую очередь для заказчиков, осуществляющих государственные и муниципальные закупки в соответствии со ст. 33 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», но также могут применяться при описании предмета закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Необходимо отметить, что с учетом изменений в законодательстве в сфере стандартизации — перечень документов национальной системы стандартизации, на который возможно делать ссылки при описании объектов закупок, помимо национальных и межгосударственных стандартов, включил также стандарты организаций и технические условия, зарегистрированные в установленном порядке в Федеральном информационном фонде стандартов.

Источник: Росстандарт

Первый в мире стандарт в области цифровых двойников

Приказом Росстандарта утвержден новый национальный стандарт серии «Численное моделирование» — ГОСТ Р 57700.37-2021 «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники изделий. Общие положения».

Новый стандарт разработан рабочей группой под руководством Центра НТИ «Новые производственные технологии» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) и ФГУП «Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики» (ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ») в рамках деятельности технического комитета № 700 «Математическое моделирование и высокопроизводительные вычислительные технологии» (ТК 700) и вводится в действие с 1 января 2022 г.

ГОСТ Р 57700.37-2021 распространяется на изделия машиностроения, однако при необходимости на его основе в дальнейшем могут разрабатываться стандарты, устанавливающие требования к цифровым двойникам изделий различных отраслей промышленности с учетом их специфики. При этом необходимо отметить, что стандарт является полностью отечественной разработкой. В частности, впервые в мировой практике устанавливается единое определение «цифрового двойника изделия» — «Цифровой двойник изделия: Система, состоящая из цифровой модели изделия и двусторонних информационных связей с изделием (при наличии

изделия) и (или) его составными частями». Также в рамках стандарта впервые стандартизованы следующие понятия: «цифровые (виртуальные) испытания», «цифровой (виртуальный) испытательный стенд» и «цифровой (виртуальный) испытательный полигон».

ГОСТ Р 57700.37–2021 является первым в серии национальных и отраслевых нормативных технических документов, которые определяют порядок разработки цифровых двойников, типовые требования к структуре и порядку их сопровождения при эксплуатации изделия, порядок учета и хранения и т.д.

Уникальная серия национальных стандартов ГОСТ Р 57700, первые стандарты которой появились в 2017 г., объединяет уже более 25 документов по стандартизации и формирует систему нормативных технических требований для применения компьютерных моделей и виртуальных испытаний в процессе создания и обеспечения эксплуатации высокотехнологичных промышленных изделий, в том числе военной техники.

Источник: Росстандарт

Новая редакция стандарта о порядке выполнения НИР

В настоящее время в межгосударственной системе стандартизации действует ГОСТ 15.101–98 «Система разработки и постановки продукции на производство. Порядок выполнения научно-исследовательских работ», используемый, как правило, в качестве требования заказчиков при выполнении научно-исследовательских работ. В связи с различиями в законодательствах стран — участниц межгосударственной системы стандартизации было принято решение о разработке новой редакции документа в качестве национального стандарта Российской Федерации, после введения которого в действие прекращается применение на территории Российской Федерации ГОСТ 15.101–98.

Приказом Росстандарта утвержден национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 15.101–2021 «Система разработки и постановки продукции на производство. Порядок выполнения научно-исследовательских работ». Стандарт разработан ФГБУ «РСТ» в рамках деятельности технического комитета по стандартизации № 482 «Поддержка жизненного цикла продукции» и вводится в действие с 1 ноября 2021 г.

Стандарт устанавливает общие требования к организации научно-исследовательских работ и ее этапов, функций основных участников и порядок их взаимодействия, требования к порядку выполнения и приемки, порядок разработки, согласования и утверждения документов организации и выполнения НИР, а также порядок реализации и использования результатов законченных НИР, включает типовые формы документов, разрабатываемых при выполнении НИР.

Источник: Росстандарт

В Межведомственном совете национальной инфраструктуры качества

В режиме видеоконференции 22 октября 2021 г. состоялось тринадцатое заседание Межведомственного совета национальной инфраструктуры качества под председательством статс-секретаря — заместителя министра экономического развития Российской Федерации **Алексея Херсонцева**. В ходе заседания руководитель Росаккредитации **Назарий Скрыпник** сообщил о первых результатах работы по прекращению и признанию недействительными сертификатов соответствия. До вступления в силу положений постановления Правительства РФ от 19 июня 2021 г. № 936 прекратить действие сертификата соответствия можно было только по решению суда или органа по сертификации. В отдельных случаях это занимало до полутора лет. С 21 июня 2021 г. у органов госконтроля появились полномочия приостанавливать и прекращать действие документов об оценке соответствия и признавать их недействительными. Для этого во ФГИС Росаккредитации создан личный кабинет органа госконтроля с соответствующим функционалом.

По итогам заседания приняты решения о включении в национальную часть Единого реестра 42 вновь заявившихся аккредитованных лиц, об исключении из национальной части Единого реестра 4 аккредитованных лиц и об отказе во включении в национальную часть Единого реестра 4 вновь заявившимся аккредитованным лицам. Всего по итогам семи состоявшихся в 2021 г. заседаний Межведомственного совета принято решение в отношении 701 лица, при этом 82% — положительные решения.

Источник: Росаккредитация

Росаккредитация и ФТС России создают сервис по отслеживанию ввоза образцов продукции

Об этом сообщил руководитель национально-го органа по аккредитации **Назарий Скрыпник** в ходе выступления на Международном таможенном форуме — 2021. В ходе панельной сессии, посвященной функционированию сети электронных таможен и центров электронного декларирования, он рассказал о направлениях межведомственного электронного взаимодействия.

От ФТС России поступает 86% запросов по разрешительным документам в электронные реестры Службы. За 9 месяцев текущего года таможенные органы получили от ведомства 5,4 млн сведений о разрешительных документах. Среднее время обработки запроса составило 18 секунд. Новым направлением взаимодействия ФТС России и Службы стало создание сервиса по обмену данными о ввозе образцов для проведения испытаний. Импортный товар перед ввозом на территорию России подлежит обязательной оценке соответствия. Производитель должен

ввезти в страну образец товара для проведения испытаний в российской лаборатории. Если по базе таможенных деклараций видно, что образец не пересекал границу, значит разрешительный документ выдан с нарушением.

«Информация о ввозе образца вносится только по 25–30% регистрируемых сертификатов соответствия. Чтобы документы, выданные с нарушением, не появлялись на рынке, мы хотим получать информацию о таможенных декларациях в режиме онлайн. Если образец на импортный товар не ввозился, зарегистрировать сертификат будет невозможно», — пояснил руководитель Росаккредитации. В результате будет сокращаться как доля выданных с нарушениями сертификатов соответствия, так и количество ввозимых в Россию товаров с признаками контрафакта.

Источник: Росаккредитация

Утверждена Программа национальной стандартизации на 2022 год

Приказом от 1 ноября 2021 г. № 2459 Росстандартом утверждена Программа национальной стандартизации на 2022 г. и дальнейшую перспективу (ПНС-2022).

В соответствии с основополагающим стандартом ГОСТ Р 1.14-2017 «Стандартизация в Российской Федерации. Программа национальной стандартизации. Требования к структуре, правила формирования, утверждения и контроля за реализацией» с 2018 г. работы по формированию ПНС ведутся с использованием Федеральной государственной информационной системы «БЕРЕСТА» в режиме авторизованного доступа через интернет-портал. Так, доступ техническим комитетам по стандартизации к внесению предложений в проект ПНС-2022 был открыт с 30 июня по 2 сентября 2021 г., о чем были проинформированы председатели и ответственные секретари технических комитетов посредством рассылки соответствующего письма Росстандарта.

Проект ПНС-2022 был представлен на расширенном заседании Совета по стандартизации 1 октября 2021 г., при этом итоговый документ сформирован с учетом поступивших замечаний и предложений членов Совета по стандартизации и Общественного совета.

В 2022 г. в соответствии с Программой будет осуществляться работа более чем над 4 800 документами по стандартизации, из которых более 2 000 запланированы к утверждению на 2021 г. При этом количество новых тем, представленных техническими комитетами, составляет 1709. Подобное количество стандартов в разработке является рекордным за период с 2015 г.

В качестве приоритетных направлений формирования Программы национальной стандартизации в Российской Федерации на 2022 г.

определено обеспечение реализации национальных проектов и государственных программ инструментами стандартизации. К **ключевым областям разработки стандартов** в 2022 г. отнесены около 30 направлений, в том числе: информационные технологии; медицина и фармацевтика; обеспечение качества товаров (работ, услуг), процессов и технологий; классификация и кодирование информации; **интеллектуальная собственность и защита от контрафакта**.

От ТК 481 «Интеллектуальная собственность» в ПНС-2022 внесены предложения по пересмотру трех действующих ГОСТ, разработке 6 новых межгосударственных стандартов и 4 национальных стандартов.

По словам руководителя Росстандарта **Антон Шалаева**, рекордное число стандартов, разработка которых запланирована в 2022 г., с одной стороны, позволит существенно обновить фонд национальных стандартов по приоритетным направлениям, а с другой — требует вовлечения все большего числа участников в процессы стандартизации.

Источник: Росстандарт

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Объединение стандартизации с исследованиями

Европейский комитет по стандартизации (CEN), Европейский комитет по стандартизации в области электротехнической продукции (CENELEC) и Объединенный исследовательский центр Европейской комиссии (JRC) 1 октября 2021 г. продлили свое соглашение о сотрудничестве, начатое в 2016 г., на следующие пять лет. Посредством соглашения три организации стремятся расширить обмен знаниями и опытом между научными исследованиями и европейской стандартизацией. Одной из основных инициатив, совместно разработанных CEN, CENELEC и JRC, является внедрение науки в стандарты (PSIS), цель которого — облегчить выявление новых областей науки и технологий, которые могут извлечь выгоду из деятельности по стандартизации. Инициатива PSIS оказалась успешным примером дальновидности, она была направлена на своевременное выявление новых секторов, в которых стандартизация может способствовать инновациям и повышению конкурентоспособности промышленности:

— облегчение обмена между стандартизацией и исследованиями, позволяя работе JRC и ее исследовательских сетей вносить вклад в технические комитеты на европейском и международном уровне, определяя возможности для координации европейского вклада в международную стандартизацию;

— исследование новых способов предвидеть будущие потребности в стандартизации, дальнейшее развитие деятельности по сканирова-

нию горизонтов и прогнозированию — на основе опыта PSIS;

— определение и максимальное увеличение стратегического вклада стандартизации на международном уровне в областях приоритетов Европейской комиссии и целей устойчивого развития, а также стремление продвигать ценности, которые стандарты вносят в поддержку европейской государственной политики.

Источник: Cencenelec

Национальный институт стандартов и технологий США (NIST) предлагает ключевые требования для маркировки потребительского программного обеспечения

Программное обеспечение является неотъемлемой частью жизни большинства потребителей и подвержено рискам, которые ставят под угрозу безопасность, собственность и производительность пользователей, однако *не существует универсального подхода к кибербезопасности*, который можно было бы применить ко всем видам потребительского ПО. Тем не менее маркировка (этикетка) для потребителей должна передавать информацию просто и напрямую.

Документ «Проект базовых критериев для маркировки кибербезопасности потребительского программного обеспечения» является частью ответа NIST на Указ президента США «О повышении кибербезопасности страны» № 14028 от 12 мая 2021 г., согласно которому NIST «должен определять методы разработки безопасного программного обеспечения или критерии для программы маркировки потребительского программного обеспечения» — критерии, которые отражают базовый уровень кибербезопасности и ориентированы на простоту использования для потребителей.

Критерии основаны на предложениях общественности и многочисленных обсуждениях с заинтересованными сторонами. NIST запрашивает публичные комментарии к проекту документа до 16 декабря 2021 г., чтобы сформировать окончательную версию, которую NIST выпустит не позднее 6 февраля 2022 г.

Согласно предложению NIST, для того чтобы получить маркировку (этикетку), поставщик программного обеспечения должен сначала выполнить все технические требования. В документе эти требования называются «свидетельствами» или заявлениями о безопасности программного обеспечения, и разделены на четыре категории:

— описательные свидетельства — например, кто заявляет об информации, содержащейся на этикетке, к чему относится этикетка и как потребитель может получить дополнительную информацию;

— аттестация безопасной разработки программного обеспечения — как разработчик про-

граммного обеспечения придерживается передовых методов безопасности;

— критические атрибуты кибербезопасности и аттестация возможностей — особенности, выраженные функциональностью программного обеспечения, и другие атрибуты, которые потребители должны знать, например, не содержит ли программное обеспечение известных опасностей или используется ли шифрование;

— инвентаризация данных и аттестация защиты — информация о данных, которые потребители могут идентифицировать как имеющие высокий риск, связанный с кибербезопасностью, а также описание механизмов, используемых поставщиком программного обеспечения для защиты этих данных. Это может относиться к личной информации, информации о местоположении устройства или к любым другим данным, на защиту которых провайдер потратил время и усилия.

Этикетка программного обеспечения не обязательно будет содержать все эти детали, но общие усилия по маркировке должны быть нацелены на информирование потребителей о том, что означает этикетка, и на то, где они могут легко получить дополнительную информацию об этих атрибутах кибербезопасности.

Источник: NIST

Отчет о пробелах в стандартизации для аддитивного производства

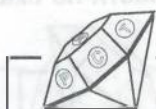
Американский национальный институт стандартов (ANSI) объявил о доступности отчета для устранения пробелов в стандартизации, выявленных в Дорожной карте стандартизации для аддитивного производства (*версия 2.0, июнь 2018 г.*), опубликованной Американским объединением по стандартизации аддитивного производства (AMSC).

AMSC — это межотраслевой координирующий орган, созданный в 2016 г., целью которого является ускорение разработки отраслевых стандартов аддитивного производства в соответствии с потребностями заинтересованных сторон.

Дорожная карта для аддитивного производства, разработанная при участии более чем 300 специалистов из 175 государственных и частных организаций, включает списки опубликованных стандартов, разрабатываемых стандартов и стандартов, которые необходимы, чтобы помочь росту аддитивной обрабатывающей промышленности.

Были определены 93 пробела, в которых в настоящее время не существует опубликованных стандартов; в дорожной карте 65 из этих пробелов также отмечены как требующие проведения предварительных исследований и разработок (НИОКР) до стандартизации.

Источник: ANSI

Обзор конференций по проблематике интеллектуальной собственности (2-е полугодие 2021 г.)*

Аннотация. Обзор, подготовлен на основе пресс-релизов и содержит краткие сведения о конференциях и семинарах по проблематике интеллектуальной собственности, проведенных в РФ и ЕАЭС во втором полугодии 2021 г., в том числе по противодействию обороту контрафактной продукции.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, контрафакт, антиконтрафакт, цифровая трансформация, стандартизация, сертификация, качество, противодействие, ЕЭК, Государственная комиссия, Росстандарт, форум, конференция.

Abstract. The review has been prepared based on press releases and contains brief data on intellectual property conferences and seminars held in the Russian Federation and the EAEU in HY2 2021, including the ones on combating the circulation of counterfeited products.

Keywords: intellectual property, counterfeit, anti-counterfeit, digital transformation, standardization, certification, quality, counteraction, EEC, State Commission, Federal Agency for Technical Regulation and Metrology, forum, conference.

РНИИС и ЕАЭС

31 мая 2021 г. в конференц-зале ИППО (г. Москва) состоялась встреча руководства Республиканского НИИ интеллектуальной собственности (РНИИС) — единственной в СНГ и ЕАЭС специализированной научной организации по интеллектуальной собственности — и делегации Евразийской экономической комиссии ЕАЭС во главе с **Русланом Бекетаевым**, членом Коллегии (министром) по экономике и финансовой политике ЕЭК.

В своем приветствии **Сергей Степашин**, соучредитель и председатель Наблюдательного совета РНИИС, отметил важность сотрудничества и выразил уверенность, что «выводы и рекомендации РНИИС с учетом значительного вклада за 15 лет в отечественную и мировую науку найдут отражение и реализацию в решениях ЕАЭС». Научный руководитель РНИИС **Владимир Лопатин** в своем выступлении особо подчеркнул актуальность взаимодействия по формированию условий для развития евразийского рынка интеллектуальной собственности с учетом накопленного экспертного потенциала Института и компетенций ЕЭК.

Стороны подтвердили взаимную заинтересованность в подготовке и подписании Меморандума о научном и инновационном сотрудничестве между ЕЭК ЕАЭС и РНИИС по актуальным вопросам развития евразийской экономической интеграции.

Эксперты Госкомиссии России о контрафакте

27 июля 2021 г. под председательством Президента международной ассоциации «Антиконтрафакт» профессора **А.А. Аслаханова**

состоялось очередное заседание Экспертного совета Государственной комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации в онлайн-режиме с участием более 70 участников, представляющих Минпромторг России и другие органы власти, профессиональные бизнес-сообщества, научные и общественные организации, включая РНИИС и недавно созданный решением Правительства России Национальный научный центр компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции.

В повестке дня заседания за три часа работы было рассмотрено 12 докладов и сообщений по актуальным темам противодействия созданию и обороту контрафактной продукции, в том числе: о рынке сертификации (**Н.В. Скрыпник**, руководитель Федеральной службы по аккредитации); о разработке первого в мировой практике стандартизации проекта межгосударственного стандарта по определению Индекса контрафактности товаров на региональном уровне (**В.Н. Лопатин**, научный руководитель РНИИС, председатель национального и межгосударственного комитетов по стандартизации «Интеллектуальная собственность» ТК481/МТК550); о практике противодействия производству контрафактной продукции (**А.Н. Лоцманов**, заместитель сопредседателя Комитета РСПП по промышленной политике и техническому регулированию, председатель Совета по техническому регулированию и стандартизации при Минпромторге России); о приоритетах работы Национального научного центра компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции (**А.И. Борисов**, директор АНО «Национальный научный центр компетенций»).

* Review of Conferences on Intellectual Property Issues (HY2 2021).

тенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции»); об обороте никотиносодержащей продукции (**С.В. Максимов**, советник руководителя ФАС России и **А.С. Мироненко**, директор по связям с ЕАЭС и защите торговых марок, ООО «Филип Моррис Сэйлз энд Маркетинг»); об уничтожении контрафактной продукции (**Л.И. Гершуни**, менеджер по качеству и защите бренда «SKF»); о подготовке и проведении 26–28 августа 2021 г. в столице Казахстана IX Международного форума «Антиконтрафакт» (**С.В. Квасова**, генеральный директор Международной ассоциации «Антиконтрафакт»).

По итогам заседания по основным вопросам повестки его участниками были выработаны предложения и рекомендации в адрес Госкомиссии и Правительства России.

Пресс-служба РНИИИС

Антиконтрафакт-2021

26–28 августа 2021 г. в г. Нур-Султан, Республика Казахстан, в гибридном формате состоялась IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «АНТИ-КОНТРАФАКТ-2021» «Глобальные вызовы и защита интеллектуальной собственности в новой реальности». В рамках пленарного заседания (модератор: **Акерке Ахметова**, вице-министр юстиции Республики Казахстан) участников приветствовали **Алихан Смаилов**, первый заместитель премьер-министра Республики Казахстан; **Руслан Бекетаев**, член Коллегии (министр) по экономике и финансовой политике ЕЭК; **Сауле Тлевлесова**, президент Евразийского патентного ведомства; **Асламбек Аслаханов**, президент Международной ассоциации «Антиконтрафакт», председатель Экспертного совета при Государственной комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции. С докладами на заседании выступили **Эрна Айриян**, председатель Суда Евразийского экономического союза; **Александр Борисов**, руководитель АНО «Национальный научный центр компетенций в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции» (ННЦК); **Антон Шалаев**, руководитель Росстандарта; **Александр Шумилин**, председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь; **Мирбек Монолов**, заместитель директора Государственного агентства интеллектуальной собственности и инноваций при Кабинете Министров Кыргызской Республики; **Шушик Мхитарян**, и.о. заместителя начальника Офиса интеллектуальной собственности Министерства экономики Республики Армения; **Евгений Примаков**, руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по

международному гуманитарному сотрудничеству; **Денис Мантуров**, министр промышленности и торговли РФ, председатель Государственной комиссии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции; **Тики Дейр**, президент Международной ассоциации по товарным знакам (INTA); **Михаил Мурашко**, министр здравоохранения РФ; **Михаил Дубин**, председатель совета директоров Центра развития перспективных технологий.

В рамках деловой программы Форума прошли десять дискуссионных сессий на темы: № 1 «Защита прав интеллектуальной собственности как фундамент развития креативной экономики»;

№ 2 «Правообладатели и маркет-плейсы. Поиск идеальной модели взаимоотношений»;

№ 3 «Об оценке ситуации в области противодействия обороту контрафактной и фальсифицированной продукции в государствах — членах ЕАЭС по отраслям промышленности и торговли: методики и перспективы»;

№ 4 «Фармацевтический рынок Союза: обеспечение защиты прав на интеллектуальную собственность в фармацевтической отрасли, борьба с оборотом фальсифицированной и контрафактной продукции»;

№ 5 «Защита конкуренции и обеспечение прав на объекты интеллектуальной собственности (баланс интересов участников рынка)»;

№ 6 «Цифровизация и обеспечение прав интеллектуальной собственности в сети Интернет»;

№ 7 «Создание единой системы маркировки и прослеживаемости продукции как фактор сближения экономик государств — членов ЕАЭС»;

№ 8 «Производство и оборот некурительной табачной и никотиносодержащей продукции в государствах — членах ЕАЭС»;

№ 9 «Современные практики и методики противодействия производству и обороту контрафактной продукции»;

№ 10 «Взаимодействие государств по созданию условий построения рынка сертификации на территории ЕАЭС»,

а также Третий Международный молодежный форум «Антиконтрафакт».

Научный руководитель РНИИИС, председатель национального и межгосударственного комитетов по стандартизации «Интеллектуальная собственность» ТК481/МТК 550, доктор юридических наук, профессор **Владимир Лопатин** в своих докладах на сессиях № 3 и № 5 представил проект межгосударственного стандарта по определению уровня контрафактности товаров на региональном уровне, разработанный в РНИИИС.

**Международный технологический форум
«Российская неделя стандартизации»**

14–15 октября 2021 г. По сложившейся традиции во Всемирный день стандартов на базе Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина состоялся Международный технологический форум «Российская неделя стандартизации» — ключевое событие года в области стандартизации, организованное Росстандартом. В мероприятии приняли участие более 400 специалистов в очном формате и более 1000 — онлайн в рамках 13 мероприятий деловой программы.

Руководитель ведомства **Антон Шалаев** выступил в качестве модератора главной пленарной сессии, посвященной вопросам стандартизации и устойчивому развитию. Заместитель министра торговли и промышленности РФ **Алексей Ученев** в своем докладе отметил: «В развитии инструментов регулирования мы видим колоссальный потенциал. С одной стороны, они выступают эффективной нетарифной мерой регулирования доступа на рынок импортной продукции, а с другой — способствуют повышению глобальной конкурентоспособности отечественной продукции. Опыт многих государств демонстрирует возможности эффективного использования национальных стандартов в целях регулирования. С помощью системы установления требований мы также планируем координировать и сферу закупок. В этой связи крайне важна активная работа по стандартизации — как на национальном, так и на международном уровнях».

По оценке члена Коллегии (министра) ЕЭК **Виктора Назаренко**, «Важнейшим источником инноваций и технического прогресса сегодня является применение международных и межгосударственных стандартов». «Принятие соответствующих стандартов говорит о том, что мы создаем условия не только для современной жизни, но и для будущего поколения», — отметил в своем выступлении **Султан Ахматов**, директор Центра по стандартизации и метрологии при Министерстве экономики и финансов Кыргызской Республики. Руководитель Роскачества **Максим Протасов** отметил, что стандарты появляются в ответ на вызовы, в том числе в области устойчивого развития.

Также в рамках пленарного заседания были заслушаны видеообращения **Эдди Ньорге**, президента Международной организации по стандартизации (ИСО); **Модждех Ровшан Табари**, председателя Специального комитета ИСО по поддержке развивающихся стран (ISO DEVCO); **Тьнь Шихуна**, заместителя Министра Китайской администрации по регулированию рынка (SAMR), руководителя Китай-

ской администрации по стандартизации (SAC); **Дильшода Саттарова**, генерального директора Узбекского агентства по техническому регулированию; **Айкута Кырбаша**, генерально-го секретаря Турецкого института стандартов и др.

В первый день Форума состоялся ряд тематических сессий: «Практика применения международных и национальных стандартов в области систем менеджмента», «Стандарты как инструмент цифровой трансформации», «Стандартизация и техническое регулирование в строительстве». В завершающий день Форума состоялись обсуждения по 9 тематическим сессиям, в том числе: «Новые вызовы в сфере технического регулирования»; «Возможности стандартизации для обеспечения качества жизни детей, как механизм реализации программы Десятилетия детства». На сессии «Стандартизация социально значимой продукции на примере питьевой воды» — выездном заседании рабочей группы Совета Федерации были обсуждены вопросы развития института качества и безопасности питьевой воды, инфраструктуры оценки соответствия питьевой воды для вступающего в силу ТР ЕАЭС 044/2017 «О безопасности упакованной питьевой воды, включая природную минеральную воду, задачи стандартизации упакованной воды, необходимости классификации воды в розлив и др. В заседании совета по техническому регулированию и стандартизации для цифровой экономики «Стандартизации для Индустрии 4.0: цифровизация и развитие промышленности» в комбинированном формате приняли участие более 50 экспертов из России и Германии.

На сессии «Стандартизация как инструмент для развития «умного города» ключевой темой стала разработка стандартов «умных городов» — были обозначены три уровня стандартизации в этой области и отмечена необходимость вовлечения в деятельность по стандартизации на базовом уровне государственных институтов, а на уровнях стандартизации продуктов и сервисов (технологий) и их взаимодействия — рыночных игроков. На сессии «Стандартизация как основа подготовки квалифицированного персонала органов по сертификации» прошло обсуждение возможных решений одной из системных проблем в области подтверждения соответствия и инфраструктуры качества — проблемы подготовки и оценки компетентности персонала, и была определена роль стандартизации как основы формирования согласованной иерархической системы образования в указанных областях.

Пресс-служба Росстандарта

Промышленная политика и цифровая трансформация

8 ноября 2021 г. в рамках Недель российского бизнеса Российский Союз промышленников и предпринимателей (РСПП) провел в гибридном формате форум «Промышленная политика при реализации стратегии цифровой трансформации», посвященный переходу мировой экономики и ее реального сектора на новый технологический уклад. На этом форуме руководитель Росстандарта **Антон Шалаев** представил доклад, посвященный стандартизации в качестве основы для цифровых инноваций. «Стандартизация является инструментом для практического внедрения цифровых решений и должна способствовать устранению барьеров применению цифровых моделей и виртуальных испытаний, включая моделирование процессов измерения реальных параметров изделий, применения новейших технологий и материалов, оптимизации управления цепочкой поставок», — отметил докладчик. Также в своем выступлении он рассказал о текущей работе, проводимой Росстандартом в сфере принятия новых стандартов, направленных на внедрение цифровых технологий, а также функционирования созданного проектно-технического комитета «Умные стандарты».

Заместитель министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации **Константин Михайлик** в своем докладе остановился на вопросах цифровизации строительной отрасли, в том числе на разработке и внедрении стандартов «Умного города», а директор Департамента технического регулирования и аккредитации ЕЭК **Тимур Нурашев** рассказал о реализуемом проекте цифрового технического регулирования. Также в ходе мероприятия участники обсудили аспекты технического регулирования в части поддержки промышленности и ее цифровой трансформации, вызовы стратегии цифровой трансформации промышленности, опыт промышленных предприятий, вопросы подготовки и переподготовки руководящих кадров для цифровой трансформации.

Пресс-служба Росстандарта

Международный форум «Всемирный день качества — 2021»

10–12 ноября 2021 г. в гибридном формате состоялся международный форум «Всемирный день качества — 2021», цель которого — обсуждение и популяризация лучших практик повышения качества и эффективности бизнес-процессов в различных отраслях. В этом году основной темой форума стали принципы деятельности и корпоративного управления организаций, основанных на защите окружа-

ющей среды, создании благоприятных социальных условий и ответственного ведения бизнеса (ESG).

В рамках трех дней форума состоялось более 30 тематических сессий на темы системы менеджмента, качества в легкой и текстильной промышленности, качества в современном законодательстве, защиты прав потребителей, тренды в питании и модели пищевого поведения будущего, развития инфраструктуры качества в странах ЕАЭС, противодействия незаконному обороту промышленной продукции, качества образования, детского туризма, стандартизации потребительской продукции, качества в здравоохранении, качества моторного топлива, качества транспортной инфраструктуры, производства органической продукции.

В заключительный день форума состоялось пленарное заседание на тему «Устойчивое развитие в условиях глобальных вызовов». К участникам обратились министр промышленности и торговли Российской Федерации **Денис Мантуров**, министр здравоохранения Российской Федерации **Михаил Мурашко**, президент Европейской организации качества (ЕОК) **Торольф Паульшус**, лауреат Нобелевской премии мира **Риккардо Валентини**. «Качество определяет прежде всего надежность и безопасность продукции. Для промышленности — это обязательное условие конкурентоспособности внутри страны и на внешнем конкурте. А для государства вопрос качества — это зона особого непрерывного регулирования», — отметил в своем выступлении Денис Мантуров.

В дискуссии пленарного заседания приняли участие статс-секретарь — заместитель министра экономического развития Российской Федерации **Алексей Херсонцев**, руководитель Росстандарта **Антон Шалаев**, руководитель Роскачества **Максим Протасов**, руководитель Росаккредитации **Назарий Скрыпник**, заместитель мэра Москвы **Владимир Ефимов**, президент Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» **Павел Титов** и другие.

По оценке руководителя Росстандарта **Антон Шалаева**, «Стандарты оказывают непосредственное влияние на технический прогресс, безопасность жизни и здоровья людей, защиту окружающей среды, устранение технических барьеров в торговле — словом, на все составляющие устойчивого развития. С недавнего времени при разработке каждого нового международного стандарта должны приниматься во внимание взаимосвязи с реализацией и вкладом в достижение одной или нескольких целей устойчивого развития, которые обеспечит в дальнейшем внедрение этого стандарта».

Пресс-служба Росстандарта

